Рус. л-ра
Н-12

НА КАРЕЛЬСКОМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
1945

169993

рус. л-ра
1-1-12

НА КАРЕЛЬСКОМ ФРОНТЕ

Сборник рассказов и стихов
бойцов и офицеров
Карельского фронта

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБ-КА
Партшколы курсов
Ленинградского Обкома и Горкома ВКП(б)
Инв. № 169993
ДВОРЕЦ УРИЦКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
1945

Карелия, Заполярье. Край лесов, болот и озер. Край необъятных богатств. Наш родной Советский край!

Здесь, под Сортавалой, Суоярви, Петрозаводском, Кондопогой, Медвежьегорском, Масельской, под Реболами, Кимас-озером, Ухтой, Ругозером, Кестеньгой, Куолаярви, Титовкой, на Западной Лице, Чирка-Кемь, Лисья-Ойя, у озер Куйто, Верман — в дни Великой Отечественной войны, славные сыны народов Советского Союза отстаивали свою свободу и независимость, свое право на самостоятельную жизнь.

Карельский фронт жил напряженной боевой жизнью. Обеспечению дела победы было подчинено все. Бойцы и офицеры фронта, сражаясь с оружием в руках, отдавали делу борьбы с врагом все свои силы и способности. Сражаясь, они находили время для творческой созидательной деятельности и создавали волнующие произведения, призывающие воинов к победоносной борьбе с немецко-финскими захватчиками.

В частях фронта за время войны выросло немало новых, молодых, одаренных писателей. Источником их творчества были — непреклонная воля к победе, личное участие в борьбе за освобождение любимой родины.

Предлагаемый вниманию читателя сборник «На Карельском фронте» включает рассказы, очерки, стихи, юмор, созданные в ходе боев начинающими писателями — бойцами и офицерами.

Многие из произведений свидетельствуют о несомненной талантливости и серьезных творческих возможностях их авторов. Задушевность лирики Н. Гудовского, Ал. Игумнова, умение находить и показывать характерные особенности фронтовой жизни в стихах М. Хохрулина, А. Варлыгина, в рассказах и очерках А. Кондратовича, Г. Матюнина и других — свидетельствуют о том,

что молодые авторы стоят на правильном пути, и при дальнейшей серьезной работе над собой смогут создать большие и значительные произведения.

Особый раздел в сборнике составляют пословицы, поговорки и сказки, созданные на фронте. Это безымянное солдатское творчество. Фронтовой фольклор, записанный т. т. Иляхинским, Саксоновым, Горошенко, Алексеевым и др. представляет большой интерес и показывает, как богат наш народ талантами, как много в нем искристого юмора и дальновидной мудрости.

Сборник «На Карельском фронте», как и многие произведения, созданные за время войны на фронте, несомненно сослужит свою службу и будет с интересом принят массовым читателем.

Илья Эренбург

СОЛДАТАМ СЕВЕРА

Они пришли, подбоченясь. Они поплевывали. Они обхохатывались. Они кричали: — «Мы непобедимые! Мы были в Нарвике. Мы были на Крите. Что нам Мурманск?! Мы будем и на Печоре. Мы увидим Урал. Мы сожрем всю Россию». У них были длинные руки, вместительные желудки и головы, набитые геббельсовской мочалкой.

Их больше нет: зарыты и забыты. Три года трудились воины Заполярья и они перебили немецких егерей.

Россия знает, чем она обязана солдатам севера. Мрачная шла война, и, казалось, тьма скрывает ее от глаз мира. Смерть среди льдов и скал. Смерть среди болот и тундры. Битва за каждый камень. Воины Заполярья отстояли Мурманск, эти ворота Родины. Воины Заполярья били захватчиков и они перебили захватчиков. Они принесли свободу нашим соседям норвежцам. Они идут дальше и они дойдут — туда, на землю разбоя, в чортов город Берлин.

У егерей есть братья, отцы, сыновья, дядюшки, кумовья и сваты. Еще есть на свете немцы. И эти немцы еще отбиваются. Они еще мечтают о новой войне. Они еще готовят смерть нашим детям. Воины Заполярья показали, что они могут стоять, не шелохнувшись, стоять наперекор всему, стоять, как валуны, стоять и отстоять. Воины Заполярья покажут, что они могут итти, нестись, лететь, что перед ними не устоят никакие «линии», никакие ДОТ'ы, никакие фрицы. У кого медаль «За оборону Советского Заполярья» — знает: рядом будет другая — за Берлин.

РОССИИ СЕСТРА

Я сам не карел, но России посланец,
Карельской дорогой на Запад иду.
Натружены плечи. Увесист мой ранец,
Винтовка, гранаты врагам на беду.

Иду. В стороне хвойнокудрые сосны,
Мохнатые камни, черничник в цвету.
И мне вспоминаются русские весны,
Смолистого воздуха свежесть во рту.

И твердому голосу долга я внемлю
При виде прекрасных священных озер:
Пусть я не карел, но карельскую землю
Отстаивать буду, как русский простор.

И светлою ночью в лесу отдыхая,
Я думаю, жмурясь от дыма костра:
Карелия, эта сторонка лесная, —
Любимой России родная сестра.

Красноармеец Н. Гудовский

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, СУРОВЫЙ КРАЙ

Я полюбил тебя,
суровый край озер,
Где лес нахмуренный
вершины распростер.
Страна таежная!
Здесь каждый твой отрог
Под шапкою седой
величественно строг.
Я полюбил хрусталь
твоих зеркальных вод
И ясный белой ночи
небосвод,
Простор лесов твоих
люблю глубоко.
Родного Севера сурова
красота —
По-русски величава и проста,
По-русски мягкая,
по-русски и жестока.

Люблю тебя за то,
что сын твоих лесов,
Мой верный друг
карел-суровый — зверолов,
Стал в грозный час
испытанным солдатом,
Что он в пучине дыма
и огня
В минуты боя
и тревог, меня
Обычно называет
братом.
Мила ты сердцу,
севера земля.
Люблю твои кремнистые
поля!
Верь, милый край:
наступит час победы,
И снова наши раны
заживут...
Но палачи от мести
не уйдут,
Нет, — не уйдут
от смерти людоеды.

М. Хохрулин

НА СКАЛЕ

— Переку-у-р, — донеслась команда командира расчета Нагорнова. И наводчик Потапов понял, что атака немцев отбита. Он стал непослушными пальцами (все еще, казалось, сжимал рукоятки пулемета) свертывать «боковушку». Долго чмокал сухим шершавым языком и никак не мог заклеить скрутку.

— Не клеится? — спросил его помощник Егоров.

— Скажи, будто выкипел весь начисто. В пулемете-то осталась вода, а во мне хотя бы росинка.

Долили воды в пулемет, напились сами. Парамонов спешил забить ленту, а за лесом, догоняя одна другую, уже взвились зеленые ракеты.

На противоположной кромке болота снова показались немцы, зеленые, будто болотные гады. Они шли во весь рост, прямо на Потапова, кричали, бешено стро-

чили из автоматов. Потапов опять, до боли в пальцах сдавив рукоятки пулемета, нажал на спуск.

...За первой откатившейся волной врагов подошла вторая. Зеленые куртки, зеленые каски надвигались все ближе и ближе. Сквозь пулеметную и автоматную стрельбу, визг мин, разрывы снарядов прорвалось странное урчание.

— Ур... Ур... Ур...

Егоров, вкладывая новый диск в свой автомат, крикнул, наклоняясь к Потапову:

— Не выходит!

— Что не выходит?

— У немцев «ура» не выходит. «Ура» вздумали кричать.

Действительно, фрицы кричали «ура», короткое, обрубленное, почти без «а».

— И не выйдет.

Вода клокотала в кожухе, и у пулеметчика капелька за капелькой сбегал пот по лицу.

Пулемет яростно заглатывал ленту, она таяла на глазах у Егорова, — он подавал Потапову новую.

Пулемет ли стреляет, вода ли клокочет, сердце ли так громко бьется... Потапов задыхается от дыма. Ячейка завалена гильзами. Горечь, гарь, нечем дышать, но свинцовый ветер не переставая бьет по гребню вражеской зеленой волны и она (третья это была или четвертая?..) разбилась, поредела, отхлынула.

День ли, вечер ли, утро ли наступило... Не думали об усталости. Ползал с котелком Куницков, чтобы принести воды для пулемета. Набивал ленты Парамонов. Не разжимались пальцы наводчика Потапова...

...Пятую атаку немцы предприняли много левее позиции Потапова. Рассчитывали, что его пулемет до них не достанет. Но Потапов «дотянулся». Быстро перенесли пулемет на запасную позицию и косоприцельным огнем продолжали отгонять врага.

Уже более четырех тысяч гильз валялось вокруг. А пулеметчик требовал: патронов, патронов. Для Потапова собирали патроны на поле боя, подносили. От лейтенанта Головкина прибежал связной.

— Экономить. Патронов доставить нельзя: немцы огнем отрезали путь.

Потапов стрелял теперь уже только в упор.

Чаще стали атаки немцев. Через каждые 15 минут. Враг бесновался. Два немецких пулеметчика стреляли по ячейке Потапова, на щитке его пулемета образовалось несколько вмятин. Немцы обрушили на сопку орудийный огонь. Но ячейка пулеметчика была выдолблена в скале, круто обрывающейся у болота. Снаряды казалось падали рядом, а рвались внизу, под обрывом у воды. Один только снаряд вырвал по-соседству гранитную глыбу. Вся затряслась скала, загудела, и тогда зазвенело было в ушах, и все поплыло перед глазами, но выдержали и это.

Немцы думали, что скала мертва. Они бросились с улюлюканьем к утесу. Напряженный, как боевая пружина, Потапов ждал. Воинственный рев немцев приближался. И тогда — движение пальца, и лента опять поползла в приемник потаповского пулемета...

Это были последние патроны, вынутые из подсумков раненых и убитых товарищей. Эти пули не летели мимо цели. Каждая из них мстила. Немецкие дикие выкрики сменялись стонами и проклятиями падавших врагов. А скоро и совсем стало тихо на болоте.

Через некоторое время пришел старший лейтенант Васильев, спрыгнул в ячейку к Потапову и показал рукой вниз на груды трупов в зеленых мундирах.

— Ишь сколько. Все твоя работа. Ну-ка, дай я тебя за всех своих бойцов поцелую.

Немцы больше не атаковали.

В. Архипов

РОДИНА

Горы заполярные,
Сосны одинокие,
Близкие и дальние
Милые края...
Волны черноморские,
Тополя высокие, —
Все это — любимая родина моя.

Мы идем в сражения
Сильными и дружными, —
Крепкая, единая,
Славная семья.

Небеса карельские,
Синь просторов южная, —
Все это — любимая родина моя.

В эти дни суровые,
Бьем врага мы здорово:
Славу наших прадедов
Не срамим в боях.
Острый меч Пожарского,
Грозный штык Суворова —
Все это — любимая родина моя.

Стихнет бой.
Вернутся к нам
Снова ночи лунные,
Зазвенит в черемухе
Песня соловья.
Девушки веселые,
Хороводы шумные —
Все это — любимая
Родина моя.

Мы пройдем со славою
Сквозь бои кипучие.
Запевай, товарищ мой,
Не смолкай, баян...

Самая раздольная,
Песня сердца лучшая
О тебе, любимая
Родина моя.

Красноармеец Рокитянский

ЗДРАВСТВУЙ, РОДИНА

Скоро наша воинская доблесть
До конца расправится с врагом,
И тогда в Калининскую область
Я вернусь, в свой старый отчий дом.

Всех нас тянет близкое, родное, —
Те места, где детство протекло:
Тихий городишко Бологое,
Озера вечернего стекло...

Как давно в местах я этих не был,
Но солдат хранит свою мечту...
Я увижу кафтинское небо
И поля Селилова в цвету.

Как давно уехал я оттуда!
Но хоть каждый куст мне там знаком,
Мне покажется, как в детстве, чудом
Сонная рябина над прудом.

Здравствуй, пруд, заросший лопухами,
Здравствуй, лес, темнеющий вдали!
Вас я рад приветствовать стихами,
Вы в душе моей не отцвели.

Все, что здесь пережито когда-то,
Я всем сердцем вновь переживу...
Родина! Мечта и сон солдата!
Я тебя увижу наяву.

Красноармеец Н. Гудовский

ТАК УМИРАЮТ БЕССТРАШНЫЕ

Лабода подполз поближе к Рысакову и, презрительно осмотрев этого насмерть перепуганного, дрожащего человека, простуженно пробасил:

— Посмотрите, ребята, какие глаза у Яшки-приписника...

— У страха глаза велики, — сказал самый пожилой в отряде, казанский сапожник Сергей Акимович Маленький. И невозможно было понять, как же относится к страху сам Маленький.

Лабода замолчал. — «Может, я и сам струсил», — подумал он. Но нет. Он был спокоен.

Тишина. Слышно, как поскрипывают полувысохшие, с обломанными сучьями, одинокие сосны. Как-будто и войны никакой нет.

— Мировая лечебница для брата-солдата, — вслух пошутил он, — настоящая грязевая ванна от ревматизма. А кругом — целебные травки от запоров и черничные ягодки от поносов...

— Перестань, Лабода, — угрюмо попросил Маленький, — и без тебя тошно.

Лабода обиженно замолчал. Вдруг до его слуха долетел стонущий шопот Рысакова:

— Бра-атцы, лейтенанта убили... Вон лежит...

Лабода вздрогнул, как от неожиданного укола. Мгновенно родилось решение: «Командир должен жить.»

Легким движением своего короткого тела выскользнул он из окопчика и, извиваясь между кочками, пополз. На бугорке широко раскинув руки, лежал лейтенант Колесников — командир отряда.

— Умер землячок, — прошептал Лабода. Над бугорком взвизгивали пули. Лабода видел, как осыпались подрезанные стебли трав.

Вдруг с вражеской стороны раздалась серия монотонных глухих ударов, и в промозглом небе, точно задрапированном серым солдатским сукном, набряк-шем грязной кровью, тоскливо завыли мины.

— Опять начали, — Лабода приподнялся, опираясь на винтовку, и во все горло гаркнул:

— Командир жив!

Лабода ловко и быстро подполз к Маленькому. Тот, прищурившись, устанавливал прицел у «Максима» и, не обращая внимания на подползшего Лабоду, угрюмо пробурчал:

— Говоришь, командир жив. Ну-ну!

— Да, Сергей Акимович, командир жив. Командир — я.

— Ну-ну!

Недалеко разорвалась мина, облепив их комьями грязи.

— Ишь ты, как шпарят, босяцкие дети, — безразлично процедил Маленький.

— Сергей Акимович, сейчас они в атаку попрут, — сказал Лабода. — И я так думаю: — примем атаку. Ах, гадючье племя, легки на помине — ползут.

Лабода встрепенулся. Его маленькие быстрые буравчики-глаза забегали от кочки к кочке: болото, как подмененное, неузнаваемо изменилось. Совсем близко взлетели столбы грязи, поднятые взрывами мин. За чертой разрывов, между кочками, точно гигантские грязно-зеленые черви, копошились ползущие враги, и заманчиво голубела сквозь едко пахнущую серой прозрачную кисею пороховых дымов дальняя опушка леса. Почему-то показалось Лабоде, что теперь этот гибельный кусочек земли до боли дорог ему, точно с детства именно по нему ходил.

Уже совсем близко финны. Явственно доносится пренебрежительно-высокомерный голос:

— Русь, сдавайся.

И кто-то не выдержал — грянул одиночный выстрел, а за ним загрохотало по всей цепи. И истошно звенел чей-то надтреснутый голос:

— Получай, га-ды!

Финны, не отвечая на огонь, продолжали ползти вперед. Лабода встал во весь рост и, хрипя от возбуждения, закричал:

— Командир приказал не стрелять. Отползать в сторону Белой сопки.

— Верно, дружок, — сказал Маленький. — К сопке отходить надо. Шестнадцатый раз в драку лезут, значит, натягивают со всего кольца. На сопку надежда, — непроходимая она и река у подножья.

Умолкло завывание мин. Стало зловеще тихо. Только тревожно роптали одинокие сосны, да тоскливый крик невидимой в пасмурном небе птицы разносился над болотом. И был этот крик безнадежен, но требователен.

— Какая же это птица? — тревожно подумал Лабода, чувствуя, как гулко стучит о ребра трепетный комочек-сердце, а все тело наполнилось леденеющей пустотой. На одно мгновение Лабода даже ощутил свою невесомость. И опять он подумал: «Не струсил ли я?» Но тут же почувствовал уверенность в себе.

— Ну, пора, — сказал Маленький.

— Да, да, пора, — заторопился Лабода. — Значит, вы, товарищ Маленький, ведете людей к сопке. Финны попробуют у сопки задержать нас. Но надо пробиться. Надо! Здесь остаюсь я и «Максим». Не спорь, Сергей Акимович. Поверь, вывести людей из этого заколдованного круга сложнее, чем задержать здесь этих психов на полчаса.

Они стояли друг против друга на коленях и Маленький упорно ловил взгляд Лабоды.

— Посмотри мне в глаза, Лабода.

Лабода выпрямился. Маленький положил ему руку на плечо:

— Русские у тебя глаза и говоришь ты точно. И я согласен. Ну, прощай. Давай поцелуемся, Александр Макарович.

Стоя на коленях, они неуклюже обнялись.

А с флангов к ним уже ползли бойцы, и проползая около Лободы, каждый прощался с ним. Приподнимая головы, и, стараясь не видеть его глаз, тихо говорили:

— Будь здоров, Саша.

— Досвиданья.

Со стороны болота послышались крики и беспорядочная трескотня автоматов. Разбрызгивая болотную грязь, с прижатыми к груди автоматами, поднявшись во весь рост, бежали финны.

Лобода рванулся к пулемету и, взяв прицел на бегущего впереди офицера, нажал гашетку. Офицер неестественно высоко задрал ногу и плашмя грохнулся в болото. К упавшему подбежало несколько солдат. Еще короткая очередь — и два солдата замерли, полусогнувшись над трупом офицера.

Минута затишья — и вновь с дикими криками, спотыкаясь и падая, враги побежали на пулемет.

В глазах Лободы запестрило. Он увидел и залепленные грязью лягушечьего цвета мундиры финнов, и их небритые, с широко раскрытыми ртами лица... А потом увидел солнце. В прореху разодранных ветром туч выглянуло солнце. И все мысли Лободы, все его внимание перешло к нему — к ласковому, скудно греющему, осеннему солнцу. Ему казалось, что солнце выглянуло именно для него, Лободы, чтобы ободрить, влить свое животворящее тепло в его тело, дать ему новые силы для битвы с врагами.

— За наше солнце! — крикнул Лобода, и опять затараторил пулемет, точно утверждая: так-так-так...

Но уже подползали враги с флангов, и Лобода с болью подумал о себе, как о постороннем человеке: «Вот, Сашенька, и конец твой скоро. А жаль тебя, Сашка. Добрый ты парень был. Землю родную чтил, друзей уважал и люто врагов ненавидел. Хорошо русские песни пел...»

— А ну, спой, Саша, в последний раз любимую! — крикнул Лобода и усердно, стараясь перекричать трескотню пулемета, хриплым простуженным голосом запел:

Всю-то я вселенную
проехал.
Нигде я милой не нашел
Я в Россию
возврати-и-лся...

Почти рядом раздался выстрел, Лабоду передернуло — пуля тупо рванула бок и обожгла внутренности. Щекочущая боль пронизала все тело. Еще тупой укол в плечо. Лабода инстинктивно нажал гашетку...

Пулемет работал с непередаваемым дьявольским остервенением, выплевывая навстречу врагам горячий свинец.

Лабода уже не чувствовал боли, руки его костенели на ручках пулемета...

...Так погиб гвардии рядовой Александр Макарович Лабода, 1919 года рождения, слесарь завода «Металлист».

Это был чудесный товарищ, великолепный боец, верный сын своей Родины.

Красноармеец В. Василевский

ПЕРЕД БОЕМ

В синий омут ночи пушки бьют над Лицей...
Отдых на вес золота, а уснуть нельзя.
Чуть опустишь веки, чуть сомкнешь ресницы,
Ненароком вспомнишь многое, друзья.

Улицу родную, где ты рос мальчонкой,
Старого учителя, иву над водой.
Девушку, которую знал еще девчонкой,
Синий томик Пушкина в комнате простой.

Если ты смоленский, вспомнишь о Смоленске —
Улицу Дзержинского, бастион Кремля,
Шумный смех медфаковцев и по-деревенски
Тихую окраину в ярких тополях.

Если ты рязанский, вспомнишь о Рязани:
Посвист соловьиный, май в Караблино,
Терпкий запах поля, будто кто в стакане
Подает прохожему тминное вино.

Если ты из Брянска, вспомнишь свою Брянку,
Поезда проходят в город Стародуб.
В мальвах и подсолнухах дремлют полустанки,
Дальняя гармоника, ласка теплых губ.

Вспомнишь — и как будто в сердце твое всадят
Низко занесенный нож по рукоять.
Снова к изголовью твоему подсядет
Строгая, седая, плачущая мать.

В синий омут ночи пушки бьют над Лицей,
В блиндажи зарылся немец за рекой.
— Закури, товарищ, что-то мне не спится,
Скоро в бой, товарищ. Поскорей бы в бой!

А. Игумнов

ВОРОНИКА

Вороника — ягода дикая,
Глазки черные между камней,
Я питался тобой, вороникою,
Семь тяжелых, семь страшных дней.
Помню очереди пулеметные
И жестокий воздушный бой...
И прыжок... И землю болотную
Я почувствовал под собой.
Парашют изодранный сброшен был...
Встал я... Сверху моторов гул...
И с болота я, гость непрошенный,
В недоступное небо взглянул.
Там на небе товарищи-летчики
Били пулями вражеский сброд.
Камышами и топкими кочками
Я побрел, спотыкаясь, вперед.
Валуны обходил я древние,
Перепрыгивал через ручьи.
Пробирался между деревьями,
На восток — туда, где свои.
Скалы. Мох да березы, заросли...
Тело резали мне дожди.
Даже солнце шпионом казалось мне.
Каждый камень за мной следил.
Каждый шаг, — лишения, тяготы,
Но, огонь в груди сохраня,
Я не сдался. Лишь черные ягоды
Были пищею для меня.
Вороника — ягода черная,
Ты в ту пору мне помогла

Только воля моя упорная
По болотам меня вела.
А потом палата больничная,
Я метался и пел в бреду.
Видел я поля вороничные —
Прямо к солнцу по ним иду.
...Жизнь — простор и борьба великая,
И рука, как прежде, тверда,
Но тебя, вороника дикая,
Не забуду я никогда.

Лейтенант А. Колесников

ПОСЛЕДНЯЯ СПИРАЛЬ

Кутахов вздрогнул. Еще мгновение назад он верил, что спасет, оживит машину. Теперь все было ясно: снаряд разорвал тросы управления — нервы и мускулы истребителя. И сердце самолета — мотор — уже было лишним: оно жило впустую. Летчик потерял власть над машиной: мотор слепо и неумолимо влек ее к земле.

К земле... Кутахов взглянул вниз. Крутые сопки, покрытые колючей щетиной сухостойника, извилистая лощина, покрытая точками валунов и ни одной, даже крошечной, площадки, на которой самолет не споткнулся бы с налета. Нет спасения машине, значит надо спасаться летчику...

Спасаться надо скорее.

Земля приближается, становится ясней и понятней, и шире, словно ее кто раздвигает. Жаль машину! И все-таки надо ее оставить.

Кутахов прыгнул. И когда свист ветра оборвался гулким хлопком распустившегося парашюта, тишина не наступила. Теперь он слышал рев самолетов. Бой продолжался без Кутахова. И от этого стало еще сумрачней на душе.

Но что это такое? Два «Мессершмитта» отвалили в сторону от схватки и идут... Да, да, они идут на него, на Кутахова. Он оцепенел, потом нервно уцепился за пистолет. И горько опустил руку. К чему?

Он вытянулся и повернул в сторону противника, чтобы встретить даже эту обидную смерть достойно и просто по-солдатски, с открытыми глазами.

Инв. № 169993

Осталось жить пять-шесть секунд. Говорят, что в предсмертный миг люди думают о самом значительном. Кутахов ни о чем не думал. Он только хотел, до исступления, каждой кровинкой своей хотел жить и мстить.

И вдруг, наперерез «Мессерам» вынырнул наш истребитель. Он несся сверху, с силой врезаясь в воздух. Так атакуют наши летчики: хладнокровно, без пощады к себе, презрев свою смерть ради смерти врага.

И замер Кутахов, и уже забыл о себе и видел только товарища. Увидели его и немцы. Видно, страшной была решимость советского истребителя. «Мессершмитты» взревели и стали карабкаться в высоту, уходить в сторону.

...Кутахов пережил отчаяние, гнев, надежду, радость. Но ему суждено было еще и удивиться до потрясения.

Он все время следил за истребителем, который спас его своей смелостью. И машина показалась ему знакомой. Он даже испугался: не бред ли? — Истребитель шел на крутой спирали к земле. Луч солнца блеснул на его вытянутом фюзеляже и на секунду осветил ровный ряд победных звезд. Его, Кутахова, звезд.

Это был его истребитель. Теперь он шел к земле.

Никогда Кутахова так не волновала картина гибели, как сейчас. Он видел смерть товарищей, он вытаскивал из-под обломков самолетов трупы друзей, с которыми несколько часов назад смеялся. Ему было тяжело это делать — к смерти никогда не привыкают: горе всегда сочится в душу.

Но сейчас, готовясь коснуться ногами земли, он с захолодевшим сердцем смотрел, как рухнет на скалы его верная птица...

Приземлившись, Кутахов пошел искать свой погибший самолет. Он скоро нашел его, потому что заметил, где он кончил свой последний, может быть, самый гордый, полет.

Летчик долго стоял перед железными скрюченными и изуродованными остатками своего товарища, кончившего жизнь на угрюмой северной скале.

Потом он медленно спустился вниз. У подножья увидел пламенеющее предзакатное солнце, а прямо под ним, на высокой скале — сверкающий, как меч — винт истребителя.

Лейтенант А. Кондратович

СОН БОЙЦА

Он заснул, укрывшись полушубком,
На широких нарах крепким сном...
Гаснет недокуренная трубка,
Ходики стрекочут над столом.

В этой скромной фронтовой землянке,
Словно дома, тихо и тепло.
Ветер, пробиваясь по полянке,
Тронул в раме шаткое стекло.

Тронул, крадучись, и вдаль умчался
Комья снежные с ветвей срывать.
Огонек коптилки закачался
И застыл недвижимо опять.

В эту ночь сюда заходят редко.
Шопотом дневальный говорит:
«Тише, братцы. Он ведь из разведки
Возвратился, пусть спокойно спит».

Спит разведчик. Может, край далекий
Снится парню в этой тишине...
Край родной... Дымок над хатой легкий,
Тающий в прозрачной вышине.

Может, видит, что туман росинки
На траву, как бусы, нанизал,
Девушку в сиреневой косынке
И родные синие глаза...

Степь дурманит ароматом пряным,
Солнце смотрит с нежной хитрецой,
И ему подсолнечник упрямо
Подставляет рыжее лицо.

Омывая каменные груды,
В берег волны плещет Днепр седой.
И протяжным криком чайка будит
Ивы над взволнованной водой...

Спит разведчик и сквозь сумрак зыбкий
Видит радостный, хороший сон,
И по-детски нежною улыбкой
Улыбается чему-то он.

Сержант Всеволод Крегер

ДОМ

Не за тысячи верст от меня —
Здесь со мной, среди черных воронок,
Под дыханьем сплошного огня, —
И жена, и друзья, и ребенок.

Я иду сквозь осколки и дым,
Беспощадный и неутомимый —
Закрываю я телом своим
Все, что мною на свете любимо.

И поэтому некуда мне
Отходить, уступая снарядам:
В грозный час, наяву и во сне —
И родные, и Родина рядом.

Ефрейтор Е. Павличенко

РАЗГОВОР О ПИСЬМАХ

Два бойца перед сном
У печурки сидели,
Разговор их
Я слушал в ночи:
Ты второе письмо
Получил за неделю,
А моя
Целый месяц молчит...
Непонятно ей, что ли,
Моей ненаглядной,
Невдомек, что ль,
Толковой моей,
Что с письмом,
С ожидаемой вестью отрадной
И бои, и досуг —
Веселей...
Тут второй отвечал:
— Не грусти понапрасну,
Не печалься,
Дружок дорогой,
Чтоб любовь испытать,
Чтобы все было ясно,
Я совет тебе дам

неплохой:
— Если хочешь,
чтоб милая часто писала,
Чтоб отрада была
для души,
Не пеняй,
что в разлуке, мол,
радости мало,
Бей врага,
и об этом пиши.

Капитан Г. Орловский

СИЛА НЕНАВИСТИ

Разговор этот происходил в землянке майора Колосова, куда он пригласил нас отметить день его рождения. Ему исполнилось 40 лет.

— Вот вы говорите, — обратился майор Колосов к молодому безусому лейтенанту Стрельцову, — что вас поражает встречающееся несоответствие между нравственным, моральным обликом человека и его внешностью. Вы затронули весьма интересный вопрос. Меня самого изумляло такого рода ни с чем несообразное противоречие, несовпадение внешнего обличия иного человека с его, как говорят, внутренним содержанием. Если позволите, я вам расскажу в связи с этим одну любопытную историю, много нашумевшую в прошлом году на одном из участков нашего фронта, где мне довелось быть командиром отдельной разведроты...

— Так вот, в прошлом году, примерно в эту же пору, в мой разведотряд поступило небольшое пополнение — человек десять-двенадцать. Передавал мне людей мой знакомый, некий капитан Люляев. Прощаясь со мной после соблюдения обычных формальностей, сопутствующих передаче пополнения, он вздохнул и с грустью сказал:

— Жаль мне расставаться с ребятами. Хороший народ! Молодцы — один к одному. Особенно жаль мне отдавать тебе Винтуру. Любопытный человек!

И он указал мне при этом на бойца самой заурядной наружности, стоявшего в сторонке. Вообразите себе человека среднего роста, лет 26—27, с коротко остриженными волосами, светлыми бровями, маловырази-

тельными глазами, мясистым, неправильной формы носом, тонкими губами, обнажавшими мелкие, крепкие и довольно красивые зубы. Вот вам полный портрет этого самого Винтуры.

Ничто не указывало на присутствие сильного характера, на силу воли. Наоборот. И характер, и поведение его, казалось, еще больше подчеркивали и дополняли бесцветную наружность.

Винтура был молчалив и скрытен. Настолько молчалив, что трудно было судить о его культурном уровне, о душевном складе. В свободное от нарядов и занятий время он обычно лежал на нарах в землянке, в своей излюбленной позе, заложив кисти рук с сомкнутыми пальцами под затылок. Лежал, молчал и, бог весть, о чем думал.

Между прочим, я забыл вам сказать, что вскоре после пополнения мой отряд — конечно, не в полном своем составе — два раза ходил в дело, в ночной поиск. Правда, обе операции закончились неудачно, вернее «вничью»: вернулись без «языка», без трофеев, но и без потерь. Из чувства какой-то осторожности и неуверенности в Винтуре, я его не посылал на эти операции. Винтура отнесся к этому, видимо, совершенно равнодушно: не выразил ни радости, ни огорчения.

Время шло и Винтура попрежнему оставался в моих глазах самым заурядным бойцом.

И вот как-то, движимый тем же любопытством и желанием глубже изучить, познать Винтуру, я назначил его в серьезную операцию и в самую ответственную группу — в группу захвата, руководимую мной самим. Нам предстояло добыть «языка» с переднего края противника.

Я не стану вам описывать всех подробностей операции. Скажу только, что первым ворвался во вражеские траншеи Винтура. Если бы вы видели, что это был за бросок и хватка! Все его стремительные движения напоминали сильного и ловкого спортсмена. Он действовал решительно и яростно.

Отвага, бесстрашие и ловкость Винтуры бросились в глаза всем его товарищам. И неудивительно. Не успели мы ворваться в траншеи противника и устроить ему «маленький кордебалет», как выражался у нас шутник и запевала Дзюба, смотрим, — Винтура уже волочит здоровенного белобрысого балбеса. Не знаю, чем он уре-

зонил эту оряснну, но финн, живой и здоровый, был послушным в его руках.

Винтура, красный, потный, возбужденный, яростно и лихо крикнул:

— Капитан! — (я тогда был еще капитан, — пояснил Колосов) — там еще два придурка забились в щель... Вон там, за тем камнем...

И вместе с прибежавшим на помощь бойцом он поволок «языка» прочь из расположения противника.

Полное, целостное и яркое впечатление об отважном поведении Винтуры оформилось позже, на месте, когда как водится, участники операции оживленно обсуждают отдельные детали и эпизоды схватки. Винтура заслуженно стал героем дня. Сам же он держался как всегда скромно, просто, незаметно, я бы даже сказал, что он снова поблек, потух.

Жизнь в отряде вошла в обычную колею. Все шло своим чередом. Винтура, как всегда, вел себя тихо.

Недели две спустя после описанных событий, мы неожиданно получили боевую задачу: проникнуть в глубокий тыл противника, разгромить несколько его гарнизонов, разведать тылы.

Поставленную перед нами задачу мы полностью выполнили и с солидными трофеями и ценными сведениями возвращались в свое расположение. Но невдалеке от линии нашей обороны нам не повезло: мы наскочили на засаду финнов и вступили с ними в жестокий рукопашный бой.

В числе наших потерь — убитых и пропавших без вести — оказался и Винтура. Никто из бойцов не заметил и не помнил, когда и как исчез он из виду.

Дня через два мы, однако, снова увидели Винтуру. Случилось это так. Глубокой августовской ночью в расположении противника поднялась невообразимая суматоха. Слышались взрывы ручных гранат, треск автоматов и ручных пулеметов, крики и ругательства.

И что же, вы думаете, случилось? Оказывается, виновником всего этого шума был Винтура. Я увидел его в землянке командира батальона, державшего оборону на этом участке. Страшно и больно было смотреть на изуродованное лицо Винтуры. Оно было в мелких порезах, ожогах, ссадинах, кровоподтеках, свидетельствовавших о перенесенных зверских пытках. Вся одежда на нем была изорвана, в засохшей крови. Вместо кисти

левой руки — культяпка со свежей окровавленной повязкой.

Винтура узнал меня, приветливо улыбнулся. Это была мужественная и кроткая улыбка на измученном лице. В землянку доносился шум пехотной стрельбы.

— Шумят? — спросил меня Винтура.

— Крепко шумят, — ответил я — Ух, как лютуют.

— Пускай, я им устроил там хорошенький джаз-банд, — сквозь зубы произнес Винтура.

Я с удивлением посмотрел на него. Кажется впервые он произнес слово — я. На лице его было выражение величайшего удовлетворения. Я бы сказал, что это было выражение удовлетворенной ярости... — Ну, а теперь мне остается поведать вам самое главное, — сказал майор, зажигая забытую и погасшую трубку. — Я коротко расскажу вам о том, что случилось с Винтурой, когда он попал в плен.

Ярость, с какой он дрался, видимо, вызвала у врагов желание захватить его в плен живым. Как ни защищался Винтура, финнам все же удалось свалить его и скрутить ему руки. Обезоруженный и связанный, Винтура все же продолжал бороться: пускал в ход ногти, зубы, плевал в разгоряченные рожи финских солдат. Ему хотелось, чтобы финны сгоряча прикончили его тут же, на месте, это избавило бы его от позорного плена, унизительного допроса, пыток и т. д. Однако, финские солдаты терпеливо и настойчиво волокли его в штаб своей бригады. Всю дорогу они толкали его в спину прикладами, били по лицу, называли злой, бешеной собакой, большевиком. Уж больно он донял их.

Так вот, привели Винтуру в штаб финской бригады. Начальник штаба, нестарый, белокурый офицер встретил его с интересом.

— Русс, ты большевик? — спросил он на ломаном русском языке.

— Мы, русские, все большевики, — с достоинством ответил Винтура.

— Да? — удивился офицер, — хорошо, очень хорошо!

Оглядев Винтуру с презрением с ног до головы, он предложил ему рассказать все, что он знает о наших войсках.

Винтура беззвучно засмеялся.

— Дурак! — громко сказал он.

— Что? — взвизгнул офицер.

— Сволочь.

Офицер подошел вплотную к Винтуре, яростно посмотрел ему в глаза. Винтура выдержал этот взгляд и тихо, но внятно произнес:

— Чего ты кривляешься передо мной, как свинья на веревке?

Начальник штаба побелел от бешенства и, размахнувшись, наотмашь ударил Винтуру по лицу. Винтура в ответ крепко выругался и плюнул в разъяренное лицо офицера.

Что тут случилось, вы можете представить.Винтуру били, пытали, расписывали лицо острием финского ножа, прижигали горящими папиросами. Но Винтура молчал. Ни стона, ни мольбы, ни звука не удалось вырвать из него. Он кусался, плевал в озверелые рожи своих мучителей. Наконец офицер утомился.

— Хорошо, — сказал он — на сегодня довольно. Завтра он у меня заговорит. А сейчас... — офицер вдруг пришел в веселое расположение духа. Какая-то сатанинская фантазия пришла ему в голову.

— А сейчас мы эту бешеную собаку, — сказал он, — посадим на цепь.

И он отдал солдатам на финском языке какое-то распоряжение. Винтуру отвели в близлежащую рощу, надели на кисть левой руки массивный железный браслет с толстой цепью и приковали эту цепь к большой сосне. А к стволу ее, повыше уровня поднятых рук, прибили фанерную дощечку с надписью: «Осторожно, бешеный, кусается!»

Эта дьявольская выдумка, повидимому, казалась финскому офицеру забавной и остроумной. Но все вышло не так, как предполагал незадачливый финский офицеришка, не понимавший главного — души русского человека, души советского воина...

Да, вот тут Винтура снова показал свой характер, — всю свою несгибаемую железную волю, какую в нем никто никогда и не подозревал. Винтура решил бежать. Но как? Был только один выход, один страшный способ избавиться от плена. И Винтура пошел на это. Глубокой ночью он ампутировал себе кисть левой руки. Понимаете ли, отсек кисть левой руки. Это было сделано не в пылу горячки, а хладнокровно, с непроницаемой выдержкой и стойкостью. Предварительно он с помощью зубов туго перевязал носовым платком левую руку выше локтя,

чтобы не истечь кровью. Три раза пришлось ударить ножом, который ему посчастливилось сохранить за голенищем, по руке, чтобы отнять кисть. Три раза терял сознание Винтура, но все же эту страшную и необычную хирургическую операцию довел до конца. Больше того, после некоторой передышки, у него хватило физических и моральных сил, дерзости и самообладания, чтобы снять втихую часового. Ему удалось прорваться к своим. Помогла суматоха, поднявшаяся среди ночи.

Вот, собственно, и вся история о славном разведчике Винтуре.

Майор сделал паузу, внимательно оглядел нас, желая видимо узнать, какое впечатление произвел его рассказ. Мы все напряженно молчали.

— Я часто навещал Винтуру в госпитале и, в конце концов, кажется, завоевал его доверие. Только здесь я узнал, что за год до войны Винтура жил в Белой Церкви, имел на окраине небольшой домик с садиком, знаете, с украинскими вишнями, сливами, яблонями. У него была молодая жена, дочь четырех лет. И дом, и жену, и дочь немцы сожгли. Винтура остался один — «Один, как обгорелый пень в лесу...» Так говорил он. В сердце его было только одно чувство: лютая ярость, жажда святой мести...

Майор умолк, задумался. Молчали и мы.

Старшина А. Поляков

МОЙ ТОВАРИЩ

Сигнала последнего ждет батальон,
Приказано двинуться прямо,
Смести и развеять немецкий заслон,
Прорваться к шоссе на Петсамо;
Стремительно дальше итти напрямик,
Работать штыком и гранатой...

Есть в нашем полку мой товарищ — таджик —
Хороший парнишка, ребята.
Мы дрались с ним вместе на Лице-реке,
Сражались под северным небом,
С ним кашу варили в одном котелке,
Делились махоркой и хлебом.

Вчера командир, улыбнувшись слегка,
Сказал ему: «Слово за нами!
В бою понесешь ты святыню полка —
Гвардейское Красное знамя».

Катился скалистою тундрой трезвон,
Валились враги под картечью,
На штурм высоты наш пошел батальон —
Огню и металлу навстречу.

Дым едкий глаза разъедал нам до слез,
Снаряды свистели над нами,
Навстречу победе товарищ мой нес
Гвардейское Красное знамя.

Упал он, поднялся. Упал, вижу, вновь.
К нему подскочил я:
— Бывает, —
Сказал он, — мне в ноги попали...
А кровь
На ягель, я вижу, стекает.

Снаряд за снарядом взрывается вслед,
Дым черный плывет по лощине,
— Дай знамя, ты ранен, —
А он мне в ответ:
— С ним вместе взойду на вершину!

Взошел на нее, развернул алый шелк,
И сам распрямился упрямо,
И сразу увидел: родной его полк
Пробился к шоссе на Петсамо.

За все отомстили — был немец разбит,
Гремели орудий раскаты...
Есть друг у меня — Курумбаев Санд,
Хороший парнишка, ребята!

Лейтенант С. Посниченко

АЛЫЙ КИСЕТ

Мы были вдвоем с парторгом, когда в землянку вошел красноармеец Чернов. Он, отрапортовав по всей форме о своем приходе, сказал:

— Дозвольте, товарищ старшина, кисет получить.

Парторг, старшина Маслов, взял со стола кисет из материи алого цвета и протянул Чернову.

— На, только больше не теряй.

Поблагодарив, Чернов вышел.

— Сегодня всей ротой этот кисет искали, — сказал рассмеявшись Маслов. — Потерял так, что и найти сам не мог. А кисет для него — на всю жизнь теперь память.

И затем старшина охотно рассказал всю историю с этим кисетом.

— Дня за три до боя наш Чернов был принят в кандидаты партии. В тот же вечер раздавали подарки, присланные из Иркутской области. Чернову достался кисет с вышитыми зеленым шелком словами: «Боец, смело иди вперед». Чернов был растроган. Закуривая, он особенно долго доставал табак, старался, чтобы все заметили его нарядный кисет.

— Ну, а как уж я говорил, через три дня роте была поставлена задача овладеть одной важной высотой. Финны обстреливали с нее все склоны автоматным и пулеметным огнем. Их нужно было оттуда выбить. В то время как наша артиллерия засыпала высоту снарядами, мы, — пехотинцы, перебежками и ползком подтягивались вперед.

Метрах в тридцати от вершины завязался горячий бой. К треску пулеметных и автоматных очередей присоединились взрывы гранат. Наш Чернов, перебегая от воронки к воронке, первый ворвался во вражеские окопы и штыком приколол двух бросившихся на него финнов.

А затем все увидали, как над высотой взлетел маленький алый флажок. Это Чернов, наколов на штык своей винтовки подарок из Иркутской области, выставил свое «знамя» из окопа.

— Высота наша, — крикнули бойцы и смело кинулись к своему товарищу.

Но этим дело не кончилось. Финны еще не один раз бросались в контратаку. Дело доходило до гранат. И надо сказать, что наш Чернов все так же был передовиком. В этих жарких схватках он и утерял свой кисет. И после боя вся рота, как один человек, принялась за

поиски черновского алого кисета. Этот подарок каждому стал теперь дорог.

— Ну, что же еще сказать? Кисет нашел к вечеру один боец, принес мне. Теперь, я уверен, — Чернов, закуривая, еще медленнее будет развязывать свой кисет. Да и понятно оно. Кисет боевой теперь.

Майор Н. Богданов

СТАРЫЙ СОЛДАТ

В нашей роте, в нашем взводе
Есть испытанный солдат, —
Человек, прошедший воды
И огни, как говорят.

Он донбассовский питомец
Из семейства горняков.
Звать его Кузьма Петрович,
По фамилии Огнев.

Очень часто в час досуга
Он, прищуря левый глаз,
Поведет о жизни юга,
Иль еще о чем рассказ.

Не спеша и очень складно
Быль расскажет не одну,
Например, как бил нещадно
Он германца в ту войну.

Помнит первую атаку,
Было страшно... А потом...
А потом в любую драку
Мчался первым со штыком.

Вдруг во все концы планеты
Из России весть взвилась;
«Революция... Советы...
Перешла к рабочим власть».

На республику Советов
Враг полез со всех концов.
Немцы, белые, кадеты
Стали стягивать кольцо.

И опять труба тревогу
Заиграла поутру...
Кликнул Щорс себе подмогу
Бить лихую немчуру.

Снова марши, остановки,
Снова грозных пушек гул.
Вновь Огнев к своей винтовке
Штык испытанный примкнул.

Бил Огнев врага отлично,
К немцу жалости не знал,
Даже Щорс однажды лично
Руку дружески пожал.

Пролетели дни ненастья
И суровая война.
Засияла светом счастья
Богатырская страна.

Флаг свободы развернулся
Под весенним ветерком.
Вновь домой Огнев вернулся,
Стал донецким горняком...

Был июнь, и так отрадно
Солнца яркий луч блеснул...
Вдруг, нечаянно, нежданно
Раздается в небе гул...

Первый дом пожаром схвачен,
Первый взрыв... И вся страна
Встрепенулась, — это значит...
Значит, вновь пришла война.

Третий раз бандит немецкий
Хищно лапу протянул.
Третий раз горняк донецкий
Штык на зверя повернул.

Третий год, как тучи ходят,
Над страною дым и смрад.
Третий год, как с бандой сводит
Счеты опытный солдат.

У Огнёва слово метко,
Как-то раз он говорил:
«Задолжал я немцу крепко —
В две войны не отплатил.

Но на этот раз, клянуся,
Пусть услышит вся страна:
С немчурою расплачуся...
Ох, за все, за все сполна».

В нашей роте все ребята,
От связиста до стрелка,
Любят старого солдата
Смельчака-фронтовика.

Первым он идет в атаку,
Смело действуя штыком,
А за ним орлы-ребята,
Как за верным вожаком.

Он на практике покажет
Как пробить фашисту лоб,
Молодым бойцам расскажет,
Где и как отрыть окоп.

Где и как разведке скрыться,
Чтоб поймать наверняка
Зазевавшегося фрица,
А яснее «языка».

Где, какую маскировку
Нужно в битве применять,
Как держать свою винтовку,
Чтобы правильно стрелять.

Как выслеживать «кукушку»
И момент не упустить,
Чтобы взять ее на мушку
И одним ударом сбить.

Вот за это все ребята,
От связиста до стрелка,
Любят старого солдата, —
Молодца-фронтовика.

Ефрейтор А. Варлыгин

— Куропатки в наших местах также водятся. Преинтересная птаха. Ты ее стреляешь, палишь раз по пять сряду, а она сидит, словно заколдованная. Или отбежит шагов на десять, спрячет голову под коренья и думает, что ее не видят, — рассуждал пожилой минер Мохов, набивая чучело.

— Прилетит этак, неизвестно откуда, еще белая, не успела сменить зимнюю форму, сядет где-нибудь на голые камни и голос подаст. Самка. Самца подзывает. Сидит и кричит: ко-ко-ко-кро-кро-кро-о-о... Самец ответит где-нибудь поблизости. Ну и начинается знакомство. Самец инициативу держит. Самка топорщится, отряхивается. Прихорашивается. А самец ближе да ближе.

Куропатку сегодня Мохов убил по-снайперски. Их в это время года появляется уйма, даже на переднем крае можно встретить, когда на фронте затишье.

* * *

С рассветом взвод лейтенанта Федина собрался в лощине, в условленном месте. Хмурилось небо. Накрапывал дождик.

Федин оформлял документацию минного поля. Мохов держал у него над головой плащ-палатку и по привычке рассуждал. Он любил вслух думать. Знал за собой эту слабость, но не тяготился ею, а даже, кажется, гордился.

На этот раз Мохов сознательно начал с предисловия. Он думал, что лейтенант Федин не посвящен в его тайну и сейчас чувствовал себя неловко. Теперь он знал, что надо объясниться с командиром. И начал:

— Враг, он есть враг. Твоя семья ему не семья, твое отечество ему не отечество, твои дети ему не дети. В пятнадцатом году, как попал я в плен, нас немец вез три недели в открытых баржах, под дождем, голодных, разутых, раздетых. Хлеба давали по осьмушке. Много погибло наших. Вот тогда я и узнал по-настоящему немца. Узнал я, что немец души не имеет, а только одна злоба в нем. Зверь он, а не человек.

Мохов замолчал. И помолчав, продолжал:

— Я вот, товарищ лейтенант, думаю свою куропатку с пользой для родины применить...

Оказалось, что командир взвода уже знал план Мохова, поэтому, укладывая бумаги в сумку, Федин сказал:

— В задуманной вами операции будут участвовать не два человека, а три. Третий будет наблюдать и отвлекать внимание подчаска. Захват произвести лучше всего в момент выстрела. Кроме того, имейте в виду, без тренировки не выпущу. Три дня даю на подготовку.

Подручными Мохов избрал бойцов Сакулина и Смелова. Парни молодые, но опытные, ловкие и хладнокровные. Они уходили теперь втроем подальше и тренировались. Об этом знали немногие.

* * *

Неожиданно раздался громкий и неприятный крик болотной куропатки. За ним второй, третий... Так самка подзывает самца. Пауза. А потом снова, и так до пяти раз. И вдруг — выстрел. Эхом прокатился он по сопкам.

— Из немецкой, — сказал один из бойцов. Снова минуты томящей неизвестности. Тишина. Куропатка закричала левее. Федин облегченно вздохнул.

Неожиданно появились Мохов и Сакулин, а за ними и Смелов. Сакулин нес на плече фрица. Все встрепенулись. Спросы и расспросы, как да что, но командир остановил любопытных.

В землянке людей ожидал вкусный завтрак. После завтрака — отдых. Дневальный подкладывал дрова в железную печку. Всем было особенно приятно. Ждали, смотрели на Мохова. А он как будто нарочно молчал.

— Не тяни, Никита, расскажи, как дело-то было, — не выдержали товарищи.

— А дело, ребятушки, было так. Я птаху показал часовому и голос за нее подал. Все чин-чинарем. Он вылез из берлоги, ползет, крадется. А птаха прихорашивается. Смелов голос подал. Подполз немец к птахе шагов на сто, прицелился. А в двух шагах от него Сакулин приготовился. Выстрелил немец и, вскочив, попал прямиком на плечо Сакулина. Фриц и опомниться не успел, как ему рыло законопатили. А Смелов в это время отвлекал внимание подчаска. Тот так и не заметил всей этой истории, поди, и сейчас ищет своего часового.

А. Колесов

ПРОСТОЙ СЛУЧАЙ

Путь далекий совершая,
Из селений, из частей
Мчится почта полевая —
Письма с кучей новостей.

Их по почерку узнаешь,
С полуслова все поймешь,
Десять раз перечитаешь
И еще раз перечтешь.

Я один пример подобный
Приведу, как образец:
Получил письмо сегодня
Самый лучший наш боец.

«Здравствуй, миленький Алеша, —
Пишет девушка ему. —
Скоро ль, скоро ль мой хороший,
Я к груди тебя прижму?

Почему-то в этот вечер
Утеряла я покой,
Вспоминаю наши встречи
Над красавицей Окой.

Вот заслышала гармошку —
Стало сердцу невтерпеж...
Урожай у нас хороший,
До зерна убрали рожь.

Этой осенью работой
Показала я пример.
И в газете дали фото,
Дескать, лучший комбайнер.

Я прошу тебя, любимый,
Ненаглядный мой герой,
Бей врагов неукротимо,
Непременно счет открой.

Не убьешь — не жди ответа,
Не кажи сюда очей,
Я любовь к тебе за это
Зачеркну в груди своей... »

День за днем прошла неделя,
Но не пишет наш боец.
— Неужели, в самом деле
Тут любви пришел конец?

А боец в денечки эти
Был во вражеских тылах.
Скоро все прочли в газете
О лихих его делах.

И на самом видном месте
Помещен его портрет.
Это фото для невесты
Он вложил с письмом в конверт.

Больше нечего добавить,
Ясно все, без лишних слов —
Будем подвигами славить
Смелость, дружбу и любовь.

Чтобы жизнь прошла не мимо,
Чтоб не стыдно было жить,
И любовь своей любимой
Тоже надо заслужить.

Красноармеец К. Баев

ЗАКИРЫЧ

Сумка почтальона в тот день была особенно внушительной, и маленький Закирыч, казалось, кренился на бок, чтобы не потерять равновесие.

— Э, Закирыч! тебе пожалуй придется бросать свою работенку, а то сделаешься кособоким, — шутя заметил старшина Эпишко.

— И после войны ни одна не полюбит! — озорно добавил разведчик Стажок, вечно веселый парень с залихватским чубом.

— Полюбит! — отшучивался Закирыч.

Быстро распределив почту, Закирыч вспомнил, что и он получил письмо из дому. Торопливо пробежав глазами несколько строчек, он вдруг остановился. Тень пробежала по его лицу.

— Ребята, — проговорил он, задыхаясь, — убили моего брата.

Больше в этот день Закирыч не проронил ни слова.

Батальон, в котором служил Закирыч, за лето уже дважды побывав на переднем крае, снова стоял во втором эшелоне. Этот августовский день начался как все предыдущие, с шестичасового подъема, с освежающей физзарядки. Яркое солнце освещало бескрайнюю зелень лесов, гряды сопок, синюю глубину озер... Необычайной была только тишина: с каждым часом сгущаясь все сильнее, она непрерывно давила на уши, будто из-под глубокого купола неба, гигантским колпаком опрокинутого на землю, был выкачан воздух. Ни одного звука, ни одного выстрела не доносилось с переднего края.

И вдруг от страшной силы взрыва вздрогнула земля. Эхо покатилось по лесу. В небе появились фашистские стервятники. Над лесом, как гигантское яйцо, неуклюже повис вражеский аэростат-корректировщик.

Враг наступает. Батальон поднимается по боевой тревоге. У землянки Закирыч стоит и просит:

— Товарищ майор, разрешите и мне пойти в бой. Не могу я оставаться здесь.

— Не нужно, Закиров, — говорит майор Семиколенко, — лучше отправляйтесь за почтой. Подумайте, как хорошо будет почитать газету или письмо после боя.

Закирыч тронул послушную лошадку. Она поплелась в сторону, противоположную той, куда уходил батальон. За изгибом дороги скрывались последние бойцы, когда почтальон оглянулся на товарищей, которым он искренне завидовал.

Долго ехал Закирыч в тяжелом раздумье по лесной дороге. Но вдруг глаза его загорелись радостным блеском. Счастливая мысль. Он быстро заберет почту и догонит батальон, а там... И он так громко закричал на свою пеструю кобылку, что та рванулась во всю мочь.

С этой минуты почтальон находился в том возбуждении, которое всегда бывает у человека, неожиданно увидевшего долгожданную цель.

— А вдруг почта еще не пришла? — обожгла мысль.

Но к счастью, почта уже прибыла. Быстро набив сумку ценным грузом, Закирыч, вне себя от радости, повернул обратно.

— А ну, дорогая, не в службу, а в дружбу! — крикнул он.

Через час почтальон был уже в боевых порядках батальона и раздавал бойцам письма и свежие газеты. Между тем, вражеская артиллерия била все ожесточеннее. Жизни Закирыча не раз угрожала смертельная опасность, но он как будто и не замечал этого. Быстро распределив почту, направился в родную роту.

«Скорей бы сигнал!» — думал Закирыч. Он уже несколько раз мысленно представлял себе, как вся эта огромная людская цепь, частичкой которой был он сам, поднимется и обрушится на врага.

Но вот и сигнал! Закирыч вскочил и побежал вперед по мягкому пружинистому ковру болота. Он не оглядывался, но чувствовал, что за ним идут все, и это придавало ему еще больше сил. Вот уже ясно видны вражеские траншеи, в которых в панике метались фрицы. Одни из них бросали оружие и бежали прочь, другие продолжали отстреливаться.

«Скорее, скорее, только бы не упасть», — думал Закирыч, когда он был уже у цели, в нескольких метрах от немцев, которых он поклялся убить.

Вот и траншея. Закирыч прыгнул в нее и побежал, предусмотрительно стреляя на каждом повороте. Вдруг до его слуха донеслось хрипение. Он увидел катающийся по земле живой клубок. Огромный немец душил раненого красноармейца. С необычной для него силой Закирыч разорвал клубок, бросил немца в сторону и дал по нему автоматную очередь.

— Есть один, — сказал он сам себе и не задерживаясь бросился вперед. Закирыча охватил азарт боя. Ненависть к врагу, жажда мщения — эта сила управляла им. И он бежал, повинуясь этой силе.

Продвижению стрелков мешал вражеский пулемет, строчивший из-под разрушенной землянки. Закирыч используя воронки, пни, камни, осторожно приближался к огневой точке. На пути к нему присоединился стрелок Кокарев. Храбрецы были уже совсем близко от вражеского пулемета, как вдруг над их головами пронесся рой пуль.

— Я ранен! — вдруг простонал Кокарев.

Закирыч схватил его и увлек в ближайшую воронку.

Перевязав раненого товарища, Закирыч приподнял с края воронки пласт мшистого дерна и стал наблюдать:

стреляли три немца, засевшие в камнях. Но за воронкой они, видимо, зорко следили и тотчас же открыли по ней огонь. Закирычу ничего не оставалось делать, как поджидать подхода своих. Но три автомата, трещавшие в камнях, не давали ему покоя. «Может быть, эти гады заставят залечь всю роту?» — подумал он и решил все же действовать...

Выложив на край воронки камни, которых к счастью под рукой было достаточно, Закирыч продолжал наблюдать. Вдруг он увидел, что три немца вскочили и побежали прочь. Почтальон вскинул автомат, и все трое упали замертво.

— Закирыч, жив? — радостно прокричали подбегавшие бойцы, удивленные неожиданным появлением почтальона.

И снова Закирыч в первых рядах. Вместе со всеми бойцами Закирыч устремился по траншее. За одним из изгибов он наткнулся на фашиста. Немец уже готов был выстрелить, но Закирыч опередил его, прострелив ему руку. Взвыв от боли, фриц выпустил из рук автомат.

— Хенде хох! — яростно крикнул Закирыч давно заученную фразу. И бандит, дрожа от страха, поднял руки. Он не мог не покориться этому маленькому, но такому сильному и грозному человеку с горящими, как угли, глазами.

Вот каков наш Закирыч. Командование представило его к высокой награде — ордену Красного Знамени. Сейчас он так же, как и до боев, тих и скромен и аккуратно развозит почту на своей пестрой лошадке.

Сержант С. Пантелеев

НОЧНОЙ ПОИСК

Уж поздно. А небо зарей золотится,
Полночное солнце встает на краю.
В тиши напряженной знакомые лица
В суровом безмолвии я узнаю.

Разведчик свой взор устремил на окопы,
Где недруг зарылся под глыбой камней,
И каждый прокладывал мысленно тропы,
Как лучше пройти, — лишь скорей бы, скорей...

И ждал с нетерпением голоса каждый...
— Вперед, — еле слышно промолвил Козлов, —
Без шума: Бухащев, Бондарь, Хаджикадзе,
За мною — Шухтин, Одноконь, Сиваков.

Не слышно шагов осторожных по склону,
Как будто бы вымерло все на пути...
Был поваром раньше орловец Платонов,
И кто-то над ним из друзей пошутил:

— Тебе бы пельмени варить в ресторане,
Твое ли, брат, дело в разведку ходить.
Но шутка под сердце невидимой раной
Пришлась и надолго засела в груди.

Не мог он дождаться желанного боя:
«Пельмени! Увидят друзья и враги,
Что я не отстану от наших героев
И справлюсь с бандитом не хуже других...»

Так тихо, как будто бы кто-то умер...
Но палец Козлова на кнопку нажал,
И где-то далекий, прерывистый зуммер
Запел, повторяя условный сигнал.

И в тот же момент тишину разорвало:
Раздался такой оглушительный гром,
Как будто бы землю гроза зашатала
И сплющила, и завертела кругом.

Небесные своды дрожали, алея...
Едва лишь замолк на секунду огонь,
Как мигом вскочили во вражьи траншеи
Брусничкин, Платонов, Бондарь, Одноконь.

За ними ворвалась десятка лихая.
Гранаты застали фашистов врасплох.
Лишь рядом, в избытке огонь изрыгая,
Трещал пулемет.
На мгновенье заглох

Его смертоносный, неистовый голос:
То финн торопливо огонь перенес.
«— Ах, вот оно, что! Мы от смерти на волос».
Подумал Платонов
и, словно орел,

Рванулся на недруга быстро и смело:
— Не дать же ребятам напрасно пропасть!
И всем переполненным яростью телом
С налета зажал пулеметную пасть.

Как коршун добычу, горячее дуло
Схватил Николаи обнаженной рукой...
Но огненным шилом сейчас же кольнуло
И хлынула кровь под рубашкой волной.

Слабея, теряя последние силы,
Платонов рванул на себя пулемет,
И злобная смерть от него отступила,
И вот уж товарищ на помощь идет.

А бой разгорелся с великою жаждой,
Гремели тяжелые взрывы гранат.
Тем временем пленного взял Хаджикадзе,
И начал отход по ложбине отряд...

Последними залпами бьет батарея,
Сметая оживние точки врага...
А мы отошли, подсчитали трофеи,
И в штаб поутру привели «языка».

Майор улыбнулся: — Спасибо, герои!
Фашисты в себя не пришли до сих пор,
Да кто же «виновник» успешного боя?
— Платонов!..
— Платонов, товарищ майор.

Когда провожали в санчасть Николая, —
Непрошенным гостем к солдату слеза
Явилась, прозрачною каплей ползая,
И он расставаясь с улыбкой сказал:

— Приеду, друзья, обязательно скоро
И сварим пельмени, но только — потом...
И в губы друзей целовал без укора,
Стыдливо слезинку смахнув рукавом.

Старший лейтенант М. Хохрулин

УГРЮМЫЙ ЧЕЛОВЕК

Хмурый санитар молча подполз к раненому ефрейтору Горюну, молча вытащил из сумки пакет с бинтами и сурово буркнул:

— Отползем?

— Нет, валяй здесь перевязывай, елкин гриб, — ответил Горюн, с трудом снимая ватник. — В твою санчасть ползти — умереть можно...

— Ну гляди, — тем же суровым и, казалось, сердитым тоном проворчал санитар. — Мне-то все одинаково.

Он вновь замолчал, медленными, но уверенными движениями накладывая повязку на рану. Горюн был ранен в левый бок. Пуля проделала довольно глубокую борозду чуть повыше таза. Рана отчаянно ныла и кровоточила, и Горюну было очень жалко себя.

Санитар, хмурясь, разворачивал бесконечные бинты, от которых исходил с детства нелюбимый Горюном запах аптеки. Молчаливость и угрюмость санитара показались обидными. После нечеловеческого напряжения боя, когда бойцы с огромным трудом отбили страшную по своему ожесточению атаку врага, Горюну, человеку словоохотливому и жизнерадостному, хотелось теплых, ласковых слов, задушевного разговора и участия. А санитар был угрюм, недоволен, и глаза его сухо и жестко поблескивали из-под редких волосков бровей.

— Неправильный ты человек, — решительно начал Горюн, обращаясь к санитару. — Раненых жалеть надо, подходить к ним с улыбкой и говорить разные веселые слова, чтобы у солдата легче на душе было. А ты ходишь сердитый с лица, и от одного твоего обличия раненому не легко, а тяжело будет...

Санитар покосился на раненого, но ничего не сказал.

— Вот, к примеру, елкин гриб, — продолжал Горюн, — ты ползаешь по окопам и доползи до моей позиции. Видишь, у человека рана серьезная. Болит она, ноет, дергает и так и далее, и получается у человека неподходящее верчение в мыслях и всякие разные нехорошие думы. Что ты должен сказать солдату?

Горюн остановился. Он умел говорить и паузу сделал нарочно, чтобы дать санитару время глубже обдумать свои слова. Но санитар, казалось, не обращал внимания на красноречивые поучения, и Горюн рас-

сердился. Однако он сдержался и продолжал тем же несколько поучительным, но в то же время дружеским тоном:

— А ты должен сказать солдату, что, дескать, не горюй, рана у тебя плевая и заживет, елкин гриб, в один момент. Ежели человек холостой, как я, например, — скажи, что после войны, мол, вместе на свадьбе погуляем. И еще скажи, что, дескать, как у нас в селе доктор говорил, на данном моменте неизлечимых болезней и ранений нету... С душой подходи, а не с бинтами да мазями... Ты ведь человек, а не камень...

Санитар кончил перевязку и уже собрался уходить, ничем не показывая, согласен он или нет с лекцией Горюна, когда в воздухе вдруг послышался шорох мины, и рядом гулко грохнул разрыв, осыпав обоих землей. Один из осколков звонко ударил Горюна в каску.

— Ишь ты, елкин гриб, — пробормотал Горюн, тесно прижимаясь к земле. — Уходи, санитар, — прикрикнул он и не удержался от озорной насмешки: — Убьют, так ты и умрешь, не смеявшись...

Со стороны противника донесся глухой звук новых минометных выстрелов. Санитар решительным жестом закинул свою сумку за спину и вдруг навалился сверху на Горюна своим тяжелым и неуклюжим телом.

— Ты что? — завопил Горюн.

— Лежи, леший, — сердито процедил санитар. — Вот хватит тебя еще миной...

И тогда Горюн понял. Санитар своим телом прикрывал его, Горюна, от осколков. Санитар оберегал его жизнь. Санитар готов был сам умереть, но защитить раненого Горюна. И, поняв это, Горюн почувствовал, как в сердце его поднялось великое чувство благодарности к этому угрюмому человеку, готовому на смерть ради спасения человеческой жизни.

— Эх, елкин гриб, — смущенно шептал он. — Ты уж, друг-товарищ, не обижайся. У меня уж организм такой, что всегда веселость во мне сидит...

— Лежи, лежи, — ответил ему санитар. — Только не думай, что у санитара всего и есть, что сумка на боку и бинты в ней.

Старший лейтенант Н. Зашин

5:0 В МОЮ ПОЛЬЗУ

«В мороз, в непогоду,
На марше в бою
Храни плащ-палатку,
товарищ, свою».

Эти стихи сочинил я, разведчик Григорий Матюшин. И надо вам сказать, когда я прочитал эти стихи в землянке, из-за них случился горячий спор. Сами знаете, разведчики — народ молодой, за словом в карман не полезут, — ну и попробовали поднять меня на смех. — Нашел о чем писать! — говорят мне. — Стихи пишут о соловьях, о любви, о разных высоких чувствах, — а ты о плащ-палатке! Эх, стихотворец!

Конечно, личное самолюбие по части поэзии у меня еще не успело родиться, потому что больше двух строчек я и не написал в своей жизни, но рассердился я сильно. — Как это так, — говорю, — о соловьях рифму можно выдумать, а о солдатской защитнице — плащ-палатке нет? Да, можно сказать, я вашего соловья и не слышал ни разу, а с плащ-палаткой и днюю и ночую, и самое высокое уважение питаю к ней. Ведь так? — спрашиваю их.

Молчат. Это верный признак, что соображают и хотят меня с другого фланга ударить. Я, конечно, инициативы не хочу уступать — и сразу бью их фактами. Вспомните, говорю, последний поход в тыл врага: тут еще память у вас не заело. Так вот, как только мы вышли, нам довелось переправляться через реку. Что мы сделали? Расстелили плащ-палатки, наложили на них сухого мха, завернули его и связали веревками большие подушки. Вот и готовы самодельные плотики! Прикрепили к ним автоматы, диски с патронами — и в воду. Хоть и холодно по осени в воду лезть, но не страшно, — с плащ-палаткой на любой глубине не страшно: плыви за ней, да подталкивай ее руками. Вот и первое очко в мою пользу, товарищи спорщики!..

А как деревянный плот ладили? Возле врага пилить бревно — занятие дорогое: головы можно не унести после такой пилки. Как мы из такой трудности выходили? Обыкновенно! Раскинешь палатку, бревно под нее — и пилишь. Звон пилы палатка задерживает. Снаружи еле слышно. Вот и второе очко!

А теперь третье. Помните озеро? Как мы его преодолевали? Скажете, на лодке — не противоречу. А что к лодке приделывали мы, чтобы скорее на другой берег вступить? Парус! Из чего? Из плащ-палатки. А ведь нехитро смастерили: шест стоймя поставили, привязали к нему палатку, потом планку по диагонали прикрепили так, чтобы наш парус поворачивался от ветра. И ведь как поплыли. Скользим на озерной глади — любо-дорого смотреть.

После этого смотрю, у моих ребят вид становится унылый, и я усиливаю натиск. Вспоминаю о почевках во вражеском тылу и тут атакую спорщиков, не давая им передохнуть, засыпая их вопросами, как очередями. Ночью холодно было? Костер хотели развести? Концентраты сварить тоже нужда была? А как все это сделать без плащ-палатки, если в тылу у врага сидим? Никак? Сами ведь раскладывали, говорю им, палатку, да еще смотрели со стороны — не просвечивает ли огонь наружу, еловыми ветками закрывали дырки. А как тепло было сидеть в плащ-палатке — будто и стужи нет!

— Четвертое очко! — кричу я победным голосом.

И закругляю пятым очком. Вот, говорю, ранили тогда у нас в бою товарищей Василия Зарецкого и Павла Шлеенкина. До нашего расположения путь долгий — на чем тащить пострадавших друзей? На руках — мочи нет. А ведь мы из трудного положения просто вышли: взяли два шеста, сделали из плащ-палатки легкие и удобные носилки. Живы Василий и Павел, воюют!

Одним словом, говорю я решительным тоном, плащ-палатка стоит стихов. И даже не таких как мои, а лучших. И напишут их, поверьте мне, потому что ведь солдатская жизнь перейдет в песни и сказки, ибо нет ничего величественнее на земле, чем сражаться за родину. Напишут или нет? — спрашиваю я уверенно.

— Убедил, Григорий, — отвечают мои противники, — не можем больше спорить. Пять — ноль в твою пользу!

— То-то, — говорю я, и мы садимся пить чай, и при этом продолжаем дружескую беседу, но уже на другую тему.

Разведчик Г. Матюшин

БАЛАЛАЙКА

Балалайку принесли в блиндаж.
Было тихо. Пулеметчик Сеня
Заиграл сперва какой-то марш,
А потом как грянет «Ах вы сени»...

И не устояли тут стрелки,
Выскочили двое и — в присядку.
Как заговорили каблуки!
Как задорно замелькали пятки!

После боя и сплясать не грех,
Словно за деревней на лужайке.
Ах, стрелки, развеселили всех!
Ай, да Сеня! Ай, да балалайка!

Красноармеец Н. Гудовский.

ЗЕМЛЯКИ

Скажу по секрету вам: друг мой чудак.
Он пишет мне в письмах: «земляк, да земляк».
А где ж ему быть-то моим земляком —
Я в Туле родился, а он за Днепром.

Всю жизнь в киевлянках не чаял души,
А мне и тулянки, ей-ей, хороши.
Но это — для шутки, серьезность же в том,
Как стал называть он меня «земляком».

Истории проще, ей-ей, не сыскать:
Пришлось нам однажды рубеж защищать,
Мы сутки дрались, подлый финн напирал.
Я, кажется, в сутки за месяц устал.

Тогда же сказал, что как кончу войну —
Не меньше недель четырех отдохну.
Колючие пули летели, звеня.
Мы дрались две ночи, мы дрались два дня.

Разбит и отброшен был бешеный враг.
Товарищ был ранен, сказал мне: — Земляк,
Иначе тебя я назвать не могу —
На снежной земле, в ледяную пургу,

Мы дрались за берег советской реки,
Всегда и везде мы теперь — земляки.
И после победы — ты гость у меня,
Земляк боевой моей...

И дружбу храня,
Я киевский адрес его записал
И в гости приехать к нему обещал.

Успею ли только? За время боев
Набралось с полсотни таких адресов —
С Байкала, с Кавказа и с Лены-реки
Гостить приглашают бойцы-земляки.

За всю мою жизнь не бывало, ей-ей,
Такого количества верных друзей.
И если мне всюду ходить по гостям,
Работать нет времени мне и друзьям.

Но чтоб не решили: «зазнался земляк»,
Пишу всем товарищам коротко так:
— Друзья-земляки, с кем в суровом бою
Делил я солдатскую долю свою,
Всегда буду помнить об огненных днях,
О верных, рожденных в бою земляках.

В. Прилежаев

ЛЮБИМОЙ

Над окопами бродит вечер.
Притаился секрет впереди.
Опустись мне снежинкой на плечи,
Или каплей дождя упади!

Я три года с тобою в разлуке,
И к тебе — сквозь огонь пути.
Протяни ко мне нежные руки,
Птицей-чайкой в ночи прилети.

Если я, обливаясь кровью,
Упаду, умирая, в траву,
Наклонись ко мне, к изголовью, —
Я опять для тебя оживу.

Павел Чжир

ОТВЕТ

В посылке из Иванова
По почте фронтовой
Пришло письмо товарищу
От девушки одной.

Из синего конверта
Был извлечен на свет
В письмо с любовью вложенный
От девушки портрет.

Смотрели мы, гадали мы,
Как там она живет.
— Наверное веселая, —
Сказал тогда комвзвод.

— Наверно, черноглазая, —
Вздохнув, сказал другой,
Мечтательный парнишка —
Наводчик молодой.

Приподнятые брови,
Открытый, смелый взгляд, —
И каждый из товарищей,
Той девушке был рад.

Отмеченный за храбрость
Медалью и Звездой,
Ответ туда в Иваново
Писал товарищ мой.

И как у нас заведено,
Бойцовский свой ответ
Вложил он в треугольный
Во фронтовой конверт.

Он девушке спасибо
От всех нас передал,
Он рассказал о многих,
Лишь о себе смолчал.

Но мы сказали парню:
— Мол, так не выйдет, нет.
Мы дописали взводом
Той девушке ответ.

Мы написали девушке,
Что парень не плошал,
И что четвертый немец
Жить долго приказал.

Еще мы ей писали,
Как он, начав мечтать,
Хотел бы до Иванова
Билет на поезд взять.

Пройти по тихой улице,
Войти в раскрытый дом,
Раздеться у порога,
Сесть за ее столом.

Мы намекнули девушке,
Что парень холостой,
Кудрявый, чернобровый,
Со всех сторон герой.

А. Игумнов

В ВАГОНЕ

Поезд шел из Петрозаводска на север. В вагоне было необыкновенное оживление. Может быть потому, что здесь ехали вместе военные и штатские люди: офицеры, рядовые, девушки, пожилые женщины и дети. А может потому, что всех радовала эта дорога, которую не так давно освободили наши воины. По сторонам быстро мчавшегося поезда с каким-то невыразимым торжеством шелестели деревья и на солнце блестела гладь мелькавших озер.

В вагоне было весело. В одном отделении бойцы запели:

Ты ждешь, Лизавета,
От друга привета,
И не спишь до рассвета,
Все грустишь обо мне...

Солдатские голоса встретили поддержку у девушек. Теперь песня звучала так звонко, что казалось, могут обидеться пассажиры, любящие тишину. Но против песни возражений ни у кого не было. Даже боец, что-то писавший у окна, ничем не выражал своего недовольства.

Он беззвучно шевелил губами, подыскивая нужные слова. На лице и в глазах его трепетало какое-то радостное волнение. Вдруг боец этот поднялся, подошел ко мне с листком в руке.

— Товарищ майор, разрешите к вам обратиться по личному вопросу, — сказал он, как полагается военному человеку.

— Я из госпиталя, лечился там после ранения и сейчас еду в указанное мне место для продолжения службы. Но тут, в вагоне услышал от знакомой мне женщины, что моя жена приехала в эти края, в город, расположенный на пути моего следования. Больше трех лет я не видел ее! А она не знает, что я буду проезжать через этот город... И вот решил письмо ей оставить. Но что письмо? Сами понимаете, как бы мне хотелось повидать ее. Посоветуйте, как это сделать?

Получив ответ, боец поблагодарил и отошел на свое место к окну. И я видел, как он все время вертел в руках недописанный листок. Неожиданно его личный вопрос заинтересовал окружающих.

— А может, она замуж вышла, жена твоя? И приехала к новому мужу? — не то шутя, не то серьезно сказал сидевший рядом красноармеец.

— Я таких глупостей много слышал и не верю им. Потом письма... Я же все время получал от нее письма. Я верю им. Нет, дорогой, скажу тебе так: наше супружество нерушимо!

Много других было вопросов, догадок, предположений. А когда все они были высказаны, люди стали говорить о том, какая это будет желанная встреча. И говорили об этом до маленького разъезда. На этом разъезде, где на одну минуту останавливается поезд, боец поднялся и пошел в соседний вагон.

Через несколько минут произошло такое, чего никто не ожидал. Резко распахнулась дверь, и в вагон не вошел, а влетел только что ушедший боец. Он вел за руку молодую женщину и волнуясь громко сообщил:

— Вот она, моя жена! Не доехала до места. Вот и встретились.

Все в вагоне поднялись со своих мест и окружили их. Они стояли в проходе, смотрели друг на друга. Несколько смущаясь, жена бойца торопливо вытирала на глазах слезы. Потом они сели. Люди расступились, но не ушли.

— Постарел я, наверное, за три года? Да? — спросил боец у своей жены, внимательно смотревшей на него.

— Да, немножко постарел. Но загорел как! Нет, ты не постарел, Василий, ты именно загорел.

— Так это же хорошо, — кстати или некстати сказала девушка, стоявшая рядом. А другая, более пожилая женщина, считая эти слова как бы неуместными, попросила:

— Не стесняйте вы людей, разойдитесь и дайте им поговорить. Слышали, что три года не видались. Это не шутка.

— Нет, вы нас не стесняете. Разве надо стесняться такой радости! — сказала жена бойца, а он счастливо засмеялся, одобряя эти слова.

И люди не ушли. Люди слушали все и сами спрашивали обо всем. Мы тут же узнали, что зовут бойца Василий Петрович Филатов, а жену его Анна Федоровна Филатова. Он ушел на фронт 23 июня 1941 г. Она осталась в Карелии, в селе Пудож. Он сразу попал в Кронштадт, воевал там. Был и в других местах. Но когда началось наше наступление в Карелии, Василий Федорович оказался здесь. Он участвовал в форсировании Свири, прорывал вражескую оборону, бил и гнал финнов дальше. Наступал до самой Питкяранты. И только там был ранен и попал в госпиталь. Сейчас он снова возвращается на фронт.

— Ты, Анпушка, проводишь меня, сколько можно. А потом вернешься и будешь ждать. Теперь уже недолго. Совсем недолго, — говорил Василий Филатов своей жене.

Взоры пассажиров были обращены на сияющих от счастья Василия Петровича и Анну Федоровну Филатовых. А боец, который спрашивал, почему переезжает на новое место жена Василия, подошел к нему и попросил прощения.

— Извини, брат-солдат. Думал я, что тут может приключиться конфуз какой. А теперь вижу, что у вас действительно крепкое супружество.

— Да еще какое! Временем испытанное, войною проверенное, — сказал Филатов.

Чей-то голос подтвердил:

— Это правда.

А поезд шел на север.

Майор Г. Ладысев

ДАЛЕКОЙ

Вспоминаю небо в грозах,
Сон березок над рекой,
И в моих чудесных грезах
Я опять иду с тобой...

Пусть война еще дымится,
На границах бой идет,
Скоро, скоро постучится
Наше счастье у ворот.

И, вином наполнив чашу,
Мы с тобою выпьем вновь
За родную кровлю нашу,
За победу и любовь.

Улыбнутся нам дубравы,
Расцветут для нас цветы,
И салют победной славы
Встретим вместе — я и ты...

Александр Иванов

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ржавчиной снаряды в землю лягут,
Пропадут, сгорят.
Вновь наденет мир лугов и пахот
Вешний свой наряд.

Лягут травы дымчатые в росах,
Под косой звеня...
Он тогда придет к тебе и спросит:
— Помнишь ли меня?

Опаленный взрывами и дымом,
С жаждой тишины,
Он придет, захочет быть счастливым
Около жены.

За плечами раны и победы,
Кровь, огонь и дым.
Поседел он, проходя сквозь беды
Злым и молодым.

Но в своей поношенной шинели,
В стертых сапогах
Он дошел до нашей славной цели:
Не воскреснет враг!

Он любовь свою к тебе, как славу,
Вынес из огня,
Чтоб вернуться и спросить по-праву:
— Помнишь ли меня?

Капитан Чаклин

НАПАРНИК

(Рассказ снайпера)

Я снайпер опытный. Глаз у меня зорок, да и наблюдательность хорошая. А все же недавно я впросак попал...

Моего напарника Ванюшу Кузина неделю назад по ранению в госпиталь отправили. Горевал я сильно. Надежный был напарник. А хороший напарник для снайпера — правая рука. Плохой — левой руки не стоит.

Мой командир говорит:

— Завтра с другим напарником пойдешь. Сашей звать.

— Хорошо, — отвечаю я, — Саша, так Саша, мне все равно. — А у самого сердце о Ванюше болит.

Но вот утром ранехонько мы с Сашей на опорном пункте встретились. Вижу, у Саши фигура не очень-то бравая, рост маленький. За плечами плащ-палатка. А лица в сумраке и не разглядел.

Поползли мы на передний край своей обороны. Заняли огневую позицию, замаскировались между камней.

Искоса присматриваюсь я к Саше и все мне в нем не нравится. И полз он как-то неуклюже, и за камнем будто бы не так, как Ванюша, лежал. А главное — молчит. Хоть бы слово сказал. Вот и захотелось мне его хоть словечком уколоть.

— Ты на фронте-то давно?

— Нет, — отвечает Саша, — всего полмесяца. В вашей роте со вчерашнего дня.

А голос у напарника такой тоненький-тоненький. Тут уж меня зло разобрало. Вот, думаю, бог напарника дал. Выходит, он еще и пороху не нюхал, где-то по тылам околачивался.

Недовольным голосом ориентировал я Сашу на местности, о повадках немцев рассказал да и замолчал. Саша тоже не разговаривает.

Часа три мы лежали без движения. Ноги деревянеть начали. А смотрю, — напарник лежит терпеливо. И то хорошо! Но вот метрах в шестистах фигура немца мелькнула.

— Стреляй! — говорю.

Выстрелил напарник, да только немец невредимым в траншею скрылся. Рассердился я:

— Эх, ты, баба, — говорю, — мажешь.

— Я вовсе и не баба, — услышал я обиженный голос, — не баба, а девушка.

Я так и обомлел. А напарник продолжает:

— Только ты не думай, что я стрелять... — Тут она речь свою прервала и к винтовке приложилась.

Когда дымок после выстрела рассеялся, увидел я, что немец около своего дзота на земле корчится. Другой фриц из траншеи выпрыгнул, хотел утащить убитого бандита, но Саша и этого разбойника рядом уложила. Вот так, думаю, Саша. А она дозарядила винтовку и продолжает свою прерванную речь:

—...Ты не думай, что стрелять не умею. Я на курсах снайперов отличницей была.

— Ничего я не думаю, — уже более дружелюбно отвечаю ей. — Я знал, что командир плохого напарника мне не даст.

А у самого на себя такая обида: ведь лучшим снайпером считаюсь, фрица за полкилометра среди камней различаю, все наблюдательностью своей хвалился, а тут не мог девушку от парня отличить!

А Саше я так и не сказал, за кого ее вначале принял. И вы не говорите, а то смеяться будет.

ГДЕ ЗАРЫТА СОБАКА

Признаюсь, что мое самолюбие было сильно задето. Как же это так? Все говорят, — дескать, Сперанский хороший разведчик, да и тот не может обнаружить вражеский КП.

Сколько раз, разглядывая вражескую оборону, я задавал себе один и тот же вопрос:

— Где же тот КП? Где же, чорт возьми, зарыта собака?

И вот однажды, в тот момент, когда я мучался над этой загадкой, перед моими глазами предстала... кто бы вы думали? Да, да, она самая, собака!

Я даже выругался: — Что за чортовское наваждение! — Потом подумал — уж не снится ли мне все это?

Протер глаза, — нет! Стоит живая собака и хвостом виляет.

Удивился я сначала. Все-таки на фронте давно, фрицев навидался и живых и мертвых, а вот собаки живой давно не видывал. Ну, думаю, пусть себе стоит и виляет хвостом, это ее собачье дело. Но тут вдруг другой оборот мысли произошел. Ведь собака на фронте, подумал я, роскошь для обыкновенных фрицев, когда они сами голодные, как шелудивые псы.

Как подумал я это, так сразу другими глазами взглянул на ту самую собаку.

И на всякий случай приказал припугнуть собаку одной миной. Она должно быть не особенно испугалась, только прижалась к земле, по-пластунски отползла в сторону и вскоре юркнула, должно быть, в свою землянку, к своим хозяевам. Мысленно поблагодарил я ту собаку за любезность и, понятно, как говорится, засек ее координаты.

Дополнительная разведка подтвердила, что это и был вражеский КП.

Мои друзья минометчики утверждают, что в тот момент, когда они послали несколько мин в это самое КП, послышался отчетливый собачий визг. Я этого не слышал и ручаться за достоверность таких данных не могу.

Но теперь-то я уж наверняка знаю, где зарыта собака.

Старший сержант А. Сперанский

ГЛАВНАЯ РОЛЬ

Краснофлотец Филиппов славился на весь наш батальон морской пехоты, как отличный повар.

Однако сам Филиппов долго считал своим призванием не кухню, а сцену. Один только пулеметчик Сидоров знал сердечную тайну кока. Филиппов рассказал ему все. Незадолго до войны он познакомился с девушкой. Девушка эта категорически заявила: «Я свяжу свою судьбу только с человеком театра».

Возвращаясь домой после прощального свидания, Филиппов остановился перед памятником Пушкина и дал клятву:

— Я стану человеком театра!

— Граждании, давайте не будем, — строго сказал ему тогда стоявший на площади милиционер.

В последнее время Филиппов особенно часто забегал в клуб. Там готовились к новогоднему спектаклю.

— Во мне пропадает актер, — убеждал он руководителя полковой самодеятельности интенданта 3 ранга Чарского, — дайте мне главную роль, и вы станете знаменитым, как режиссер Большого театра Самосуд.

— А самосуд надо мной зрители не устроят? — отшучивался Чарский.

Пьесу, которую ставили к новому году, Филиппов выучил наизусть. Он чистил картофель и с чувством произносил слова героя пьесы: «Вперед, в атаку!»

— Что с коком? — спрашивали моряки его друга Сидорова.

— Все в порядке, братки, — успокаивал их Сидоров. — Парень человеком театра становится.

Помог Филиппову случай, как это часто бывает в театре. Исполнитель главной роли был ранен. Из клуба прибежали к Филиппову на кухню:

— Скорее в клуб, ты будешь играть главную роль!

И начались страдания молодого Филиппова.

— Вы произносите слова: «Вперед, в атаку!», с таким выражением, как будто докладываете: «Кушать подано», — кричал на него Чарский на репетициях. — Героя вы играете, г-е-р о я! Дайте медь в голосе!

Как Филиппов ни старался, медь в голосе его не звучала.

По ночам он будил Сидорова и начинал кричать: «Вперед, в атаку!» Сидоров спросонья хватался за

винтовку — до того натурально получалось у Филиппова, а Чарский все был недоволен.

Филиппов молча страдал. Волновались все участники спектакля: новогодний вечер приближался, а в голосе Филиппова проклятая медь не появлялась.

На генеральной репетиции Чарский бушевал:

— Вы на всю жизнь поваром останетесь. Ничего героического в вас нет, ничего от г-е-р-о-я!

Во время генеральной репетиции на левый фланг обороны, которую держал батальон морской пехоты, напала финская разведывательная группа. Выстрел. Еще выстрел. Боевая тревога. Когда участники спектакля выбежали из клубной землянки, на левом фланге уже завязался ожесточенный бой. Группа бойцов вырвалась вперед. Вражеский пулемет прижал моряков. Кто-то из них вскочил и негромко сказал:

— Вперед, в атаку!

Так сказал, так сам пошел, что все бросились за отважным воином. Это был Филиппов. Его друг Сидоров бежал рядом:

— Давай, братки, делай гадам новогоднюю встречу!

Атака была отбита.

Перед строем моряков командир полка поздравил краснофлотца Филиппова и вручил ему медаль «За отвагу».

— В этом бою краснофлотец Филиппов сыграл главную роль. В его честь — ура! — закончил свою речь командир.

И грянуло краснофлотское ура. И прогремели краснофлотские аплодисменты. И крепкие руки краснофлотцев подбросили Филиппова вверх.

А в спектакле героя-моряка играл другой, не Филиппов. Хорошо играл, крикнул: «Вперед, в атаку!» таким медным голосом, что все поняли — вот это герой!

Так Филиппов и не стал человеком театра, не играл на сцене главную роль. Но на нашем театре военных действий человеком он стал, воином стал, и главную роль в бою сыграл, без меди в голосе, но с душой, с душой советского патриота.

Старший лейтенант Б. Каган

ЛОЖКА

(Фронтовая быль)

Эту любопытную и, если хотите, тротательную историю рассказал мне однажды сержант Николай Семенович Логинов — мастер снайперского дела, человек во многих отношениях замечательный.

Не помню уже в связи с чем, но разговор зашел сначала о песнях.

— Песня, она душу греет, — заговорил северным окающим наречием Логинов. — Петь не пою, голос у меня подгулял, а слушать люблю. И песен всяких уйму знаю.

Про солдатскую справу тоже дельные песни составлены. Про шинель есть, про валенки даже летом поют, про кисет и говорить нечего, а про махорочку и «Давай закурим», так завлекательно поется, что прямо-таки никакого махорочного довольствия не хватает.

Вот только что-то про ложку никакой песни не слыхивал. Про котелок поют, а ложку вроде как недооценивают. А зря. Ложка — инструмент первостатейный. Солдат без ложки — некомплект.

А был у нас один по первоначалу такой — Тихон Седых, тоже снайпер, может слыхали? Так вот, не знаю как так получилось, а верней всего по причине собственного ротозейства, но остался человек без ложки. Мудреная ли, подумаешь, вещь, а вот поди ж ты, обойдись без нее. Самому сделать, так из чего? Кругом сопки, горы и ни одного деревца. На наш Военторг надеяться тоже не приходится, поскольку он еще года два будет курительные трубки осваивать.

Так и жил наш Тихон на безложечном положении. До обеда еще ничего, терпел, а в обеденное время скучал невыносимо. Через эту самую скуку не только себе, но и всем нам политкоморальное настроение портил. Только ты, скажем, начнешь делать первый маневр вокруг повара на предмет второй добавки, а он над душой у тебя стоит и в рот тоскливо смотрит, ложку дожидается.

Долго мы так мучились с Тихоном. Но однажды случился коренной перелом. Вызывает командир Тихона в свою землянку и без лишних слов вручает ему новенькую, покрытую лаком, расписную деревянную ложку.

Тихон, конечно, теряется и буквально таращит глаза на ложку как, извиняюсь, баран на новые ворота.

А командир, увидев, что солдат находится в таких расстроенных чувствах, говорит ему:

— Персональная тебе посылка. От Пелагеи Андреевны.

— От какой Пелагеи Андреевны? — еще больше удивляется Тихон.

— От матери твоей, Пелагеи Андреевны. Из Вологодской области.

— Так мою же мамашу звали Марьей Петровной, — упавшим голосом говорит Тихон, — и она всю жизнь прожила на Смоленщине...

— А может она эвакуировалась в Вологодскую область.

— Не может этого быть, — стоит на своем Тихон, — потому как она умерла лет десять тому назад.

Тут и сам командир удивился.

— Это, — говорит, — меняет положение. Прямо какая-то «Курская аномалия» получается. Вот же она и письмо тебе прислала.

Смотрит Тихон в письмо и глазам своим не верит. Все честь по чести — и полевая почта, и фамилия его, и имя-отчество сходится, а главное письмо — самое настоящее материнское. Мы это письмо столько раз читали, что я и сейчас его помню слово в слово:

«Любезный сынок, Тихон Иванович, шлю тебе низкий земной поклон и свое материнское благословение. Мы всем колхозом имени «Красных партизан» посылаем вам, нашим родимым защитникам, свои колхозные гостинцы. Окромя того прилагаю к письму ложку. Не обессудь, сынок, старуху за подарок. Слышала я еще в старые времена от служивых людей, что добрая ложка солдату силу дает. Кушай, сынок, на здоровье, да супостатов скорее гони с отцовской земли...»

Об этой посылке и письме узнали в роте. Тихона поздравлять, как именинника. А бывало завидит его повар у походной кухни и во весь свой густой голос гаркнет:

— Расступись, пехтура! Тихон с ложкой идет!

Одним словом стал человек знаменит на все подразделение. Письмо Пелагеи Андреевны было напечатано в «Боевом листке» с пожеланием: дескать, пусть Тихон, осваивая новую ложку, не забывает получше освоить

снайперскую винтовку. Это, конечно, немножко задело Тихона, хотя он и виду не подал. Но все-таки совет пошел ему в прок.

Об одном он только беспокоился.

— Должно быть ошибка вышла. Может, есть другой Тихон Иванович Седых. А я, выходит, незаконно пользуюсь чужим имуществом.

Тогда мы посоветовали написать письмо Пелагее Андреевне. Так и сделал, написал обо всем. О том, как сорокового фрица недавно истребил, и о ложке помянул: может, дескать, недоразумение получилось.

В самую последнюю минуту заковырка у него вышла.

— А как же я письмо отправлю: ведь фамилии-то я не знаю.

— Не велика беда, — успокоили мы его, — пиши на колхоз, по имени отчеству. Такую женщину, должно, все знают.

И верно, вскорости приходит ему ответ. Прочитали мы это письмо, так и ахнули. Сначала, как полагается поклоны, приветы, а потом читаем такие удивительные слова:

«Извини ты меня, сынок, дуру старую, ложку-то послала, и уже потом спохватилась — небось ведь сухая ложка рот дерет. Когда председатель нашего колхоза Иван Акимович зачитал твое письмо на колхозном собрании, я сказала свое слово. Исправлю, мол, дорогие колхозники, свое упущение. Передаю своим сынкам на фронт — заработанные по трудодням 20 пудов ячменя, 3 пуда мяса, да масла 15 фунтов, да грибов сушеных, сколько наберется. Мне, старушке, много ли надо, а они люди молодые, и работа у них тяжелая — немца гнать. Пусть сил набираются. — Одобрили колхозники и тоже со своих запасов кто муки, кто крупы, кто мяса дополнили. Вот она посылка и добрая вышла.

А насчет ложки не сомневайся, Тихон Иванович. Твоя ложка. Я о тебе из письма своего племянника Васи Куделина узнала. Он с тобой вместе служит. Поклон ему передавай. Нет у меня в Красной Армии чужих людей. Все вы для меня вроде родных сыновей»...

Вот какой оборот во всей этой истории с ложкой вышел. А Вася Куделин? Какой номер выкинул и, главное, никому ни слова. Только, когда уже все вскрылось, и Тихон начал душить его в своих объятиях, Вася сердито проворчал:

— Ты старушку обнимай, а не меня. Смотри, ложку свою не раздави, медведь...

— Нет уж, не сомневайся, — кричал Тихон, — эту ложку я детям еще оставлю и закажу хранить ее, как золотую семейную посуду в старину хранили...

— Вот оно, какие дела-то, — заключил свой рассказ Логинов.

— А где же сейчас эта знаменитая ложка?

Логинов недоумевающе посмотрел на меня и сердито ответил:

— Ложка? Где же ей быть? Должно, у хозяина. Да разве в ложке тут суть? Люди-то у нас каковы! Золотые люди!

Старший лейтенант И. Гагарин

УДАЧНАЯ ПОСТАНОВКА

Бродячая труппа финских актеров репетировала новую пьесу «Сын Суоми».

— Стойте! — кричал режиссер статисту. — Вы не играете, а мочалку жуете. Поймите же, чорт возьми, что вы — часовой! Понимаете — часовой! И вот мы внезапно обнаружили роту русских. Что надо делать? Поднимать шум и вообще побольше паники на сцене. Побольше паники и реализма.

Артист, переодетый в форму финского часового, в шестой раз выбежал на сцену и, заорав благим матом: «Нас окружают русские!», два раза выстрелил в воздух из пистолета.

— Молодец! — режиссер потирал руки. — Вот теперь другое дело. Только больше эффекта! Я видел эту пьесу в Хельсинки. Так там, после того как появился часовой, за сценой стреляли из 50 винтовок холостыми. Вот это был эффект.

Наконец, спектакль был готов, и бродячая труппа прибыла в расположение финского гарнизона, которым командовал капитан Кукки.

Через полчаса небольшой клуб битком был набит финскими солдатами. Сначала на сцену вышла певица и жалобно пропела «Колыбельную». Солдаты взгрустнули.

— Что такое?! — вскричал унтер-офицер, сидевший рядом с режиссером. — Когда же вы дадите бодрую, вселяющую уверенность в нашей победе программу?

— Тише! — умолял его режиссер. Сейчас вы увидите нечто необыкновенное. Я бы сказал — необычайное.

На лице режиссера показалась торжествующая улыбка. Он заранее предвкушал успех своего нового детища.

Но вот плавно открылся занавес, и в то же время случилось нечто действительно необыкновенное, даже потрясающее. На сцену с шумом, с искаженным от ужаса лицом выбежал финский солдат и, крикнув во всю глотку: «Нас окружают русские!», два раза выстрелил вверх из пистолета.

Вслед за этим последовала невообразимая суматоха.

Стоял сплошной грохот от винтовочных выстрелов. Казалось, что стреляют всюду: за сценой, за стенами клуба, в самом клубе.

Солдаты вскочили со своих мест и с криками «Русские! Спасайся, кто может!» в панике бросились к выходу.

В дверях создалась пробка. Почему-то вспыхнул занавес, дым пожара застилал глаза, душил, мешал найти выход.

...Через некоторое время режиссер бродячей финской труппы, удачно перевоплотившись в «языка», уныло лепетал на допросе:

— Пьеса разыграна не по правилам сценического искусства. Конец в пьесе не тот!

— Зато операция наших разведчиков, — возразил допрашивающий «театрального языка» командир, — разыграна была по всем правилам советского военного искусства. Не так ли?

Неудачный режиссер понуро опустил голову.

Красноармеец Ю. Вершинин

САЛЬМИНСКИЕ КОЛОКОЛА

Нашей пехоте, штурмовавшей город Сальми, особенно досаждал финский крупнокалиберный пулемет, установленный на колокольне. Наконец, артиллеристы прямой наводкой заткнули финну глотку. Пулемет замолчал и в горячке боя о нем забыли.

Потом пехота ушла вперед. На смену ей пришли дорожники. Каково же было их удивление, когда,

спустя сутки после взятия города, с колокольни раздался... колокольный звон — не совсем мелодичный, но зато весьма громкий. Чувствовали, что звонарь не жалеет сил.

Бойцы удивились бы меньше, если б с колокольни стал бить давно умолкший пулемет.

Несколько бойцов бросились к церкви, чтобы разгадать тайну звука. Но сделать это оказалось не так-то просто. Наша артиллерия разрушила лестницу на колокольню.

К счастью, среди бойцов-дорожников нашлись «верхолазы» — специалисты по строительным работам, производимым на большой высоте.

Первое, что они увидели, когда, наконец, взобрались на колокольню, был разбитый пулемет и труп пулеметчика. А рядом стоял живой финский солдат, который изо всей мочи трезвонил в колокола. При виде наших красноармейцев финн с готовностью поднял руки, изобразив на лице величайшее удовлетворение пропешедшим.

«Верхолазы» немало помучились, пока спустили пленного на землю. Но теперь, наконец, все разъяснилось: финн был наблюдателем. Когда убило пулеметчика, он хотел бежать, но обнаружил, что лестница колокольни обрушилась.

Пробыв на колокольне целые сутки, он изрядно проголодался и решил дать о себе знать единственным доступным ему способом — колокольным звоном.

Старший сержант В. Голант

ПОРТРЕТ

(басня)

Расхвастався перед своим портретом
И гривою тряся, как пыльною метлой,
Рычал Адольф: — Р-р-расправлюсь я со светом,
Сотру СССР с Европы я долой.
От банд моих громил замрет и ширь Сибири,
И свастика одна раскинется на мире,
Как спрут...
Но тут
Ему в окошко сводку подают,
И Гитлер в ней прочел иные результаты.
— Чего ж теперь ты взвыл?

Портрет его спросил.
— Иль не далек для нас позорный час расплаты?
— Я, — вскрикнул фюрер, сводку теребя,
— Жалею лишь тебя,
Что сорван будешь ты, и облик мой потомкам
Уже не передать
Растоптанным обломкам.
— Пустяк, мужайся, будь утешен,
Я, правда, буду, снят, но ты зато повешен.

Капитан Абезгуз

ЭТО БЫЛО В БЕРЛИНЕ...

(Антифашистские анекдоты, рассказанные немецкими солдатами, взятыми в плен воинами Карельского фронта.)

Случайная оговорка.

Шли две женщины по Берлину. Одна из них говорит:

— Хайль Гитлер! Масла довольно!

— Ты оговорилась, — поправила другая. — Ты, вероятно, хотела сказать:

— Хайль масло! Гитлера довольно!

Сплошное свинство.

Известный немецкий артист-комик однажды вывел на арену цирка три свиньи и начал представлять их публике:

— Первую свинью назовем «Эльзой», вторую — «Мартой», а третью, самую жирную, по достоинству должно назвать «Герингом».

Комик был посажен в концлагерь на полгода. Выйдя из концлагеря, он снова появился в цирке, но на этот раз с двумя свиньями.

— Итак, первую свинью зовут «Эльзой», вторую «Мартой»...

— А где же «Геринг»? — спрашивают из публики.

— Из-за этой свиньи я не хочу снова сидеть в концлагере, — ответил комик.

Недолго ждать

В Гамбурге встречаются двое знакомых, чудом уцелевшие от бомбардировок и тотальной мобилизации.

— Господин Краузе, вы уже слышали последнюю речь Гитлера?

— Нет, пока не слышал. Но судя по тому, как идут дела на Восточном фронте, скоро мы, действительно, услышим *последнюю* речь Гитлера.

Новый чин

На берлинском вокзале. Поезд отходит на Восточный фронт. Престарелый отставной полковник прощается с молодым обер-лейтенантом, возвращающимся из госпиталя в часть:

— Передайте обязательно привет капитану Кирху.

— Простите, господин полковник, но капитан Кирх больше не капитан.

— Как, неужели он уже майор?

— Нет, он уже покойник!

ПРОВОЖАНЬЕ

Дайте в руки автомат,
Золотые диски!
...Шел по тропке немец-гад,
Выродок фашистский.

Вдруг огонь из ППШ —
Нет дороги к дому!
Фриц рванулся, чуть дыша,
К бережку крутому.
Ох!

Но отрезал Карлу путь
Наш разведчик бравый.
Влево фриц хотел свернуть,
А свернул направо.

Но и здесь ему пришлось
Очень туговато.
Убежать не удалось
Немцу от захвата.
Ох!

Оказался он в «мешке»,
Заорал с испуга.
Но прикладом по башке
Получил бандюга.

Уходить в советский тыл
Карлу неприятно.
Только русский богатырь
Не ведет обратно.

Парня с пленным ждет комбат
И друзья лихие...
Автомат, мой автомат,
Диски налитые!

Капитан В. Харьюзов

ЧАСТУШКИ

Немцы брешут, что у русских
Лишь успехи местные.
Отчего ж у гадов прусских
Драпы повсеместные?

В Заполярье есть гора
Очень знаменитая.
Под горою немчура
Нами перебитая.

Гитлер ось хотел подмазать
Нефтью с нашего Кавказа.
Но ему не удалось
Смазать нашей нефтью ось.

Отзывались о Мурманске
Немцы с одобрением.
Стали нынче под Мурманском
Немцы удобрением.

Расступись, земля-землица,
Дай могилу мертвым фрицам.
Отвечает мать-земля:
— Складывайте в штабеля.

С. Петров

ВМЕСТО НЕКРОЛОГА

На фашистском небосклоне закатилась еще одна крупноворовская звезда.

Ушел, как говорится, «в мир иной» старейший негодяй и выдающийся деятель разбоя и грабежа.

Не стало Дитла!

Владея в совершенстве всеми бандитскими инструментами от фомки до топора включительно, Дитл был сторонником и одним из основоположников теории «молниеносного» ограбления.

Достаточно сказать, что в свое время, за короткий срок Дитл «завоевал», т. е. дочиста ограбил — Польшу, Грецию, Францию и Норвегию.

Покойный грабил и убивал, не щадя своего времени и здоровья.

Справедливость требует отметить, что старик любил эту «работу» и не жаловался на усталость.

Товарищи по ремеслу завидовали Дитлу. Сам фюрер восторгался своим выучеником и, жалуя его званием «героя Нарвика и Крита», произнес:

— Молодец. Это настоящий немец. Он далеко пойдет.

И действительно, Дитл по приказу Гитлера пошел далеко. В 1941 году его послали в Заполярье для «молниеносного» захвата Мурманска.

Дитл сразу же по прибытии на место попытался было пойти еще дальше, но... его остановили русские бойцы.

Потеряв лучшие горно-егерские части, Дитл отошел назад, ощупывая свою, изрядно побитую, морду.

От всего этого дитловского «блица» осталась запруженная немецкими солдатами река Западная Лица.

Последнее время Дитл возглавлял все немецко-воровские шайки, орудующие на Севере, но тут уж его карьера сошла на нет. Старая гитлеровская кляча потеряла свою былую резвость. Появились все признаки увядания. Дрожали ноги, отмычки падали из рук, в преступной башке появились мрачные мысли. В ответ на приказы Гитлера — «немедленно продвигаться вперед» — старый бандит начал жаловаться на боль в пояснице, охать, ворчать, а на охающего грабителя опереться трудно. Он того и гляди подведет.

После «задушевных переговоров» с фюрером, Дитл тихо скончался, ибо громко скончаться он не мог, поскольку рот ему заткнули гиммлеровским кляпом.

Так кончил свое преступное существование один из крупнейших немецко-фашистских бандитов.

Мы не знаем всех подробностей его смерти. Да это нас и не интересует. Неважно, отчего подох шелудивый пес. Важно, что он подох!

Мы выражаем надежду, что вслед за Дитлом — его примеру последуют и все остальные гитлеровские собаки.

Мы заканчиваем наш некролог бодрым возгласом:

Кто следующий?!!

ФРИЦЫ НА СЕВЕРЕ

(Проект краткого справочника по Заполярью, составленный командиром роты пропаганды 20-й Лапландской армии Гуго фон-Треплицем.)

Вступление

Мне, собственно, очень не хотелось писать это слово «вступление», так как со вступлением в Заполярный край и начались наши злоключения и мытарства. Многое мы потеряли в эти страшные дни. Каждый метр давался с огромными трудностями. Зато значительно легче было получить два метра скалистой земли в вечное пользование.

Еще во время вступления мы потеряли конюшню королевских лошадей, вывезенную из Афин, и большой зверинец егерей, вывезенных из Австрии, Баварии и Штирии.

Так как тысячи моих сотоварищей из 2-й горно-егерской дивизии печально закончили свое вступление в предверье Арктики, то я считаю неуместным растягивать это свое вступление.

Географическое положение

Советское Заполярье расположено между 65 и 70 градусами северной широты.

Граничит с запада с Северной Норвегией. Это обстоятельство всегда радовало нас: в решительную минуту можно было бы смыться.

Многим солдатам из 503 дивизии в этом отношении удивительно повезло. И стараться не пришлось — их смыло волнами с палуб самоходных барж и транспортов, разбитых советской авиацией и артиллерией. И дело было как раз уже в фиордах у Киркенеса.

Прошу не спутать — Киркенес — это в северной Норвегии, а не в Советском Заполярье. А спутать можно; так, например, некоторые из уцелевших наших офицеров, отступая на запад от Киркенеса, спрашивали: — Неужели это все советское Заполярье тянется? — И при этом держались за голову и почёсывали бока. — Уж очень сходство большое и виды и перспективы такие же... — Проговорив эту фразу, они обычно снова хватались за голову и взваливали пожитки на машины.

Местность в Заполярье сильно пересеченная. Я уже много лет воюю, но нигде не встречал столь трудной для передвижения местности. Здесь русские постоянно пересекали нам пути отхода и перерезали коммуникации.

Этот край характерен каменистыми грядами. На этих грядах ничего не произрастает, кроме немецких крестов. При надлежащем уходе (а особенно беспорядочном отходе) урожай их значительно увеличивается.

Заполярье отличается суровым климатом, особенно для нас, немцев. Правда, около берегов проходит теплое течение Гольфштрем. В этом течении многим нашим соотечественникам удалось хорошо погреть руки. И не только руки, но и туловище с ногами и головой. Так что Гольфштрем тоже «работал» на немцев.

С наступлением полярной ночи фактически начинается зима. Выпадает снег. Так, например, в ночь на 7 октября 1944 года нам, как снег на голову, свалились красноармейцы и прорвали оборону. Я уже не говорю о прочих осадках, которые выпали столь щедро, что большинство наших егерей уже никогда не сможет унести ноги в любезную нам Германию.

Говоря о климате, нельзя не сказать пару слов о цынге. Это страшный бич северных жителей. Цынги очень боялись наши солдаты. Она характерна тем, что у больных расшатываются зубы и кровоточат десны. Мне кажется, что боязнь цынги оказалась напрасной: после зуботычин, которые мы получили от русских, у нас нечему расшатываться, поскольку уже нет зубов.

«Ворота в мир»

Мурманский порт называют «воротами в мир». Однако, как показывает опыт, эти ворота крепко заперты для нас. Мы пытались подходить к ним и всякий раз получался от ворот поворот.

Несмотря на то, что среди нас были очень опытные взломщики, «открывшие» в свое время много ворот во Франции, в Норвегии и в Греции, здесь нам никакие фомки и отмычки не помогли. Ключи от ворот в мир попрежнему находятся у русских.

Видимо, для нас остается единственная возможность пройти через ворота — это только под усиленным конвоем русских.

Ископаемые

Во-первых, это никель. Как известно из физики, он притягивается магнитом и легко намагничивается. Северный же никель, особенно в месторождениях, расположенных в Петсамо, отличается прямо таки магнитными свойствами. Он притянул туда значительные силы нашей доблестной армии.

Большинство этих войск так и осталось в районе залежей, не в силах оторваться от столь крупных месторождений.

Нам известно, что в районе Мончегорска имеются огромные запасы медной руды. Злые языки и пораженцы утверждают, что этой меди хватило бы на медные лбы всех деятелей нашего любимого фатерланда. Но увы, — мончегорская медь для нас недосягаема. А главное, зачем делать лбы из меди, когда с успехом может быть использован эрзац из пластмассы?!

К мончегорской меди рвался Дитмар, еще в бытность свою командиром 169 пехотной дивизии на Севере. Старик — не дурак. Он хотел получить медь для литья пуль.

Меди он не получил, но по зубам получил сполна, и теперь без меди хорошо отливает пули... по радио.

Нельзя обойти молчанием крупнейших залежей алюминиевой руды и железа в районе Кандалакши. Эти металлы встречаются там буквально на каждом шагу, в земле, на земле и в воздухе.

Правда, алюминий в виде руды нам видеть не приходилось, но мы неоднократно наблюдали его в воздухе, когда над нами появлялись советские самолеты и сбра-

сывали бомбы. Ну, конечно, раз был алюминий, то часто встречались и чугун, и железо, и сталь — чаще всего, в виде непрочных изделий, разрывающихся на части даже при соприкосновении с землей, на которой мы имели честь находиться по приказу нашего фюрера.

Как видите, вопроса с алюминием и железом обойти молчанием никак нельзя — очень уж громкое это дело.

Кстати, при учете алюминиевых ресурсов, нельзя забывать и о тоннах лома от наших самолетов, ныне лежащих на сопках Заполярья.

Перечень ценных ископаемых советского Севера будет неполным, если мы не упомянем о запасе апатита, этого настоящего «камня плодородия». Из него приготовляется лучшее удобрение для почвы.

Мне кажется, что сейчас, в результате нашего пребывания на территории России, русские могут обойтись и без апатита, так как их просторы — степи и поля, леса и болота богато унавожены немецкими охотниками за этим «камнем плодородия».

Послесловие

В заключение мне хотелось бы остановиться... но нет, я не могу остановиться, бегу вместе с остатками своей роты, так как за нами по пятам гонится отделение русских автоматчиков. Бегу и записываю на ходу. Так вот и не могу остановиться. Уф-ф... остановили!

(На этом справочник фон-Треплица обрывается.)

БЫТЬ ФОГЕЛЮ БИТЫМ

По-немецки фогель — птица.

Как известно, сейчас немецкие генералы делятся на три сорта: битые (и похороненные), подстреленные (и захваченные в плен) и ускользнувшие.

Генерал от инфантерии Фогель недавно назначен командиром 36-го армейского корпуса на Севере. Он известен как крупный специалист по отходам. Узнав об этом, солдаты прозвали Фогеля — «Драп-генералом».

— «Дело дрянь», — решают гитлеровцы, раз имп приехал командовать Фогель.

Но дело-то не в Фогеле. Дело в том, что удары советских войск на Севере произвели ошеломляющее

впечатление на гитлеровцев. К сотням гниющих в северных болотах и лесах фрицев прибавляются новые сотни заполярных «старожилов».

«Впереди нас темнота и мрак», — заявил комендант укрепленного участка Гебель, после того, как наши бойцы разгромили укрепления и уничтожили весь гарнизон этого участка. И действительно, у большинства солдат Гебеля впереди оказалась могильная темнота и мрак.

А что касается Фогеля, то его судьбу гениально предвидел Крылов, который пророчески написал в своей басне «Вороненок».

«А чтобы он не мог летать
Ему все крылья окарнали».

Так будет и с Фогелем. Быть ему битой птицей!

Старший лейтенант Б. Каган

ЧАСТУШКИ

После дальнего обхода
Фрицам в тыл зашла пехота.
С фланга вышли моряки —
Фрицам драпать не с руки.

За Полярным дальним кругом
Заходили немцы цугом:
Кто с портянкой, кто с платком,
Кто в болото кувырком.

На горе на Кариквайвишь
Сразу немцев не раздавишь.
Но тяжел у нас снаряд —
Проутюжил их подряд.

Как на каменной горе
Не спокойно немчуре:
Разбудили, а потом
Усыпили мертвым сном.

Поработали да зря
В Заполярье егеря:
Сделали «хоромины»,
Под ними и схоронены.

Корабли заходят в бухты —
Закричали немцы: «Ух-ты!»
Корабли по фрицам бьют —
Фрицы воют: «Нам капут!»

Хорошо выводят пушки
Заполярные частушки.
Спозаранку так частят —
От фрицев косточки летят.

Как на Печенге реке
Есть места хорошие,
Там лежат рука к руке
Егеря подохшие.

Мы московские салюты
В Заполярье слушали
И на фрицев в те минуты
Свой огонь обрушили.

По звезде Полярной вдруг
Узнают где Север, Юг,
А по красной — узнают,
Где жестоко немца бьют.

Мы от Кольского залива
До Петсамовского шли,
Били немцев в хвост и в гриву,
Гнали с северной земли.

В. Запал

Меткое слово

КАРЕЛЬСКАЯ СКАЗКА

По болотистой, поросшей седым мхом-ягелем тундре шел человек с молодым, но злым лицом. Шел он без устали много дней и ночей подряд.

И вот повстречал он группу людей. Они трудились, собирали мох-ягель, сушили его, засыпали песком болото, строили себе жилище.

— Куда ты идешь? — спросили они путника.

— Искать счастье.

— Разве тебе мало его здесь? Посмотри, какой простор, какой красивый закат. Работай с нами и беспокойство оставит тебя.

— Нет, — сказал человек и пошел дальше.

Скоро он подошел к дремучему лесу. Болотные сосны и косматые голубые ели закрывали собой солнце и делали лес темным, серым и страшным. Рык и свист зверей доносился из чащи. У кривой березки возился седой старик. Он собирал валежник.

— Где тут дорога к счастью? — спросил его путешественник.

— А вот рубн лес, иди себе вперед, воюй со зверьми, уничтожай их и ты найдешь счастье, — сказал старик. Но человек взглянул в темную чащу леса, содрогнулся и сказал:

— Нет, я лучше в обход пойду.

Обходил он лес долго. И вышел, наконец, к морю. Там у развешанных для просушки сетей сидел старик.

— Я хочу выйти к счастью. Укажи мне дорогу, — сказал человек.

— Счастья и здесь хватает. Живи, лови рыбу. Море щедрое в этих местах. Или бери лодку и плыви прямо — и ты скоро доплывешь до своего счастья, — ответил рыбак.

Человек посмотрел, как бурно море, как страшны зеленые его холодные волны, как зловеще взлетают их пенистые гребни, побледнел и пошел в обход.

Шел он на этот раз долго-долго и вышел к высоким горам, поросшим карликовыми березками и соснами. У маленькой избы под черной скалой сидел старик и долбил из камня разные украшения. Путешественник молча остановился перед ним.

— Ты за счастьем? — сказал тот, не отрываясь от работы. — Живи здесь, работай. Горы дают нам много добра. А не хочешь, — иди прямо. Вот дорога.

И он указал на горы. Но тут послышался далекий, но страшный шум обвалов в ущельях. Шапки облаков накрыли некоторые из горных вершин. Опять испугался трудного пути человек и пошел в обход.

И с тех пор он все идет в обход к своему счастью. За это время люди проложили себе путь и через лес, и через горы, и море переплыли — нашли каждый свое счастье. А тот человек уже состарился, но он еще идет и идет в обход. И все это потому, что имя ему — Трус.

А ведь, как известно, в народе говорят: не дано трусу найти счастье.

Записал красноармеец Д. Горошенко

ГОЛУБОЙ КАМЕНЬ

На далеком севере, на самом краю земли, у холодного моря, лежал большой-пребольшой голубой камень. Десять дней и десять ночей обходи его — не обойдешь. Такой он большой.

И попал в этот край один ученый человек. Прилег он у камня, хотел трубку раздуть, да спички отсырели. Что тут делать? Решил ученый от камня огонь добыть. Трудился, трудился — нет огня. Маленький кусочек камня отлетел и засверкал. Взял его в руки ученый, стал рассматривать. А в этом камне сплошное сверкание. Пошел он в свою палатку, достал стекло большое да толстое и стал разглядывать камень. И видит

он в нем невиданные ценности. И золото, и серебро, и платину, и даже палладий, который дороже платины.

«Раз так, — подумал ученый, — поищу еще».

Стал он у камня землю рыть, а она вся из драгоценностей. Тут тебе и железо, и никель, и медь, и такие богатства разные, что и всем заводам, и всем полям необходимы.

Вот поехал этот ученый в Кремль. Выслушал его товарищ Сталин и говорит:

— Должен этот камень и эта земля для народа пользу давать. Набирайте людей, берите машины и делайте так, чтобы это богатство нашим людям, от старого до малого, жизнь украшало.

С тех пор начал расцветать край северный, как в сказке. Где тундра была — города выросли, где олени бродили — машины забегали.

И вот, из чужедальней стороны напали разбойники на этот край и решили тот камень забрать. Обступили они его с одной стороны и крепости разные поставили. Начали разбойники тот камень колоть, да удивились. Раскрошат кусочек, смотрят, смотрят, а в нем никакого добра — только пыль одна: ни золота, ни других богатств.

«Наверное, — думает главный разбойник, — с этой стороны камень бедный».

И говорит своему слуге:

— Проберись тайком на другую сторону и принеси оттуда кусочек камня. Посмотрим, какой он у них там.

Пробрался слуга, принес. Взял главный разбойник тот камень в руки — видит, сверкает он, всеми цветами озаряется. Начал он из него золото выбирать — золото в песок превращается, начал серебро трогать — оно в пыль превращается. Дотронулся до платины, а она ручьем уплыла.

«Что такое? — думает главный разбойник, — с чего бы это?»

А на столе лежал еще нетронутый кусочек камня. И заговорил он вдруг человеческим голосом:

— Ты не тронь меня, враг, разбойник. Мое добро только тогда настоящим бывает, если его чистые руки берут. А у тебя и у всех твоих разбойников руки в крови, и оттого я не даюсь тебе.

— А я руки вымою, — говорит главный разбойник.

— Нет, — отвечает камень, — не отмыть их тебе.

Чужая кровь насквозь и мясо и кости твои пропитает, не отмыть тебе эту кровь вовек.

Сказал камень и вдруг исчез. Решил тогда главный разбойник не сдаваться. Решил отвоевать весь камень, а уж потом обмануть его как-нибудь и взять все добро себе.

Долго-долго шла борьба. Но вот вышли наши бойцы из окопов и начали стрелять по разбойникам. А у камня внутри большой силы струя хранилась. Вот он жилку свою и открыл. И в кого пуля не попадала, того камень невидимой струей убивал. И тогда побежали разбойники и падали замертво.

Когда разбили разбойников, сказал голубой камень большому генералу:

— Спасибо, что не отдал меня разбойникам. А теперь иди в Москву и скажи Сталину, что вечно будет служить народу голубой камень на самом краю земли.

Записал майор Л. Саксонов

ДРУГ-РЫБА

На дальнем севере было одно большое озеро, в нем водилась всякая рыба — большая и малая. Издавна называлось это озеро Спокойным. Редко оно волновалось. Но пришли немцы и стало оно свирепым. Каждый день бушует, бьется о скалы, плачет и стонет. И ветры буйные примчались в этот край, от ветра появились в скалах трещины. Выйдешь в полночь к озеру и слышишь: воет ветер, рокочут волны — гул стоит.

Пришел однажды один красноармеец к берегу и начал слушать. И почудился ему голос далекий. Ничего понять не может. Сказал об этом товарищам. Те тоже пришли — слушали, слушали — ничего понять не могут.

Как-то ночью пошли наши бойцы к берегу, сели на лодку и поплыли к другому берегу. Подхватила лодку высокая волна, подняла ее и бросила... «Ну, — думают бойцы, плохо нам будет, не иначе — буря». Да вдруг видят чудо. Только стала лодка падать, а ее другая волна подхватила и бросила снова вперед, а там третья волна подняла лодку, тихонько опустила.

— Вот так чудо! — говорят бойцы, — скажешь нашим, они не поверят. — Вышли на берег бойцы и двинулись в расположение немцев, свою боевую задачу решать. Сделали все, как надо, и пошли обратно. А немцы за ними погоню снарядили.

Вот один наш боец говорит:

— Вы, ребята, домой спешите и нужные сведения передайте, а я немцев задержу.

Распрощались друзья и разошлись. Лежит этот боец под камнем и стреляет по немцам. Двух убил, трех убил, четверых убил, а они все идут и идут. Что тут делать? Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Долго сражался боец, патроны все выпустил, а все-таки один немец еще живой остался. И тогда бросились они друг на друга, сцепились и начали биться. То боец советский одолевает, то немец. Так они до берега докатились и в воду попали.

Вдруг как завоет немец. И видит наш боец, что большущая рыба, какая-то неведомая совсем, острым белым зубом по руке немца ударила. Кровь показалась. Повернулся немец, другой рукой хотел бойца схватить, а рыба и по этой руке ударила. Взревел немец и на дно пошел. Но тут наш боец почувствовал такую слабость, что никак плыть дальше не может. Думал, что все кончено и ко дну пойдет. Ан нет, рыба подоспела, поплавок свой расправила. Свалился боец на этот поплавок, и понесла его друг-рыба прямо к берегу.

Вышел боец на берег, а рыба ему и говорит:

— Ты меня, добрый молодец, не благодари, это я по долгу своему услужила тебе. Приди сюда ровно в полночь, прокричи три раза, выйду я к тебе и все про себя расскажу.

Настала полночь. Вышел боец на берег и прокричал:

— Выйди, друг-рыба, выйди, друг-рыба, выйди, друг-рыба!

Выплыла друг-рыба и говорит:

— Послушай ты меня, добрый молодец, расскажу я тебе историю правдивую: в далекое время не было в морях и океанах рыбы больше и сильнее меня. Но случилось несчастье — провинилась я перед своими сестрами и тогда собрались рыбы всех морей, осудили и наказали меня сурово. Переселили из моря в озеро и так сказали: «Жить тебе в этом озере полста лет и не подниматься над водой, и солнца не видеть. А пройдет этот срок, — поднимись наверх и сотвори доброе дело по своей воле и своим возможностям. А сделаешь это доброе дело — быть тебе тогда снова в почете и славе».

Прошел этот срок, поднялась я и увидела на одном берегу озера злых людей, которые убивают детей и жен-

щин. И тогда взбунтовала я озеро и оно восстало против злых. Но первое доброе дело сотворила я только сегодня, когда поднимала волны послушные и несла вашу лодку, а потом помогла тебе, юноша, победить врага и спастись.

— А о чем же шумели эти скалы и волны? — спросил боец, — мы слушали и не могли понять.

— Это я поднимала волны, — отвечала друг-рыба, — и посылала ветер. Это я звала вас на другой берег, чтобы вы врага поймали. Видела — злые люди там собрались.

Вскоре созвал начальник своих бойцов и говорит им:

— Пойдем мы, друзья-соколы, на немцев, всех их перебьем, чтобы в краю родном ни одного немца не было.

Поутру пошли. Увидели их немцы и навстречу бросились, чтобы в озере бой принять. Только сели они на лодки и пошли к нашим навстречу, как всплыла друг-рыба на самую середину озера, легла поперек его. Вправо поплавком ведет — тишь на озере. Влево поплавком ударит — буря начинается. Бьются немцы с волнами, силы тратят, а их все обратно к берегу прибивает.

А наши бойцы подплыли к ним и стрелять начали. Стреляет наш боец — спокойное озеро. И пуля летит, куда следует. Как немец стрелять начнет — волна поднимается, немец за лодку хватается и никак не выстрелит.

А тем временем наши бойцы к немцам подошли и начали их в озере топить. Те, кто спаслись, бросились к берегу и побежали. Нагнали их красноармейцы и всех перебили.

С тех пор нет у этого озера ни одного немца. И снова стало оно спокойным.

Записал майор Л. Саксонов

СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ

...А было это, сказывают, совсем недавно. Молодые крылья у этой сказки, оттого так быстро и пролетела она от одного солдатского костра к другому. И никто не видел ее, но всякий слышал...

Три дня и три ночи шли наши солдаты-разведчики по молчаливым северным сопкам. И никого не встретили на мертвой каменной земле. Живым здесь был

один только ветер, но солдаты хотели, чтобы и ветер умер: уж очень студеным он был.

Кончался четвертый день, когда солдаты увидели на далекой горе незнакомых людей. Тогда вперед вышли три друга и сказали: «Мы пойдем и узнаем, кто поселился на этой горе».

Проводили их. Темнота и мороз пали на зе́млю. И стало солдатам совсем холодно. Прижались они тесно друг к другу и стали ждать своих товарищей. Долго ждали, и чем дальше, тем скорее хотелось им вновь увидеть трех друзей. И вдруг на далекой горе вспыхнули три костра.

— Наверное три друга попали к нашим, — сказал один доверчивый солдат. — Теперь греются у костров...

Но никто не поверил этим словам. Все смотрели на костры и думали: — где же три друга, почему до сих пор не слышно и не видно их? И вдруг из дальней дали, от самых костров долетел умирающий голос:

— Прощайте!

И солдаты сразу поняли, что там были немцы.

Совсем зловещими стали горы, по которым скользил кровавый свет костров. Мочи не было лежать на земле, и солдаты бросились вперед, к страшному огню. Но к той горе вел дальний путь. И пока солдаты бежали, медленно гасли костры. А потом и совсем померкли...

И когда солдаты взобрались на гору, пусто было на ней. Только мертвые немцы, заколотые ножами, валялись на камнях. И поняли солдаты: дорого отдали свою жизнь три молодых друга. И сняли солдаты шапки над теплым мерцающим пеплом костров — над прахом своих товарищей...

— А где же немцы, которые сожгли наших друзей? — спросил кто-то.

Но никто не мог сказать этого. Молчала ночь, молчали горы и не было нигде ответа. Тогда подошел один солдат к костру и задумчиво взял щепотку пепла. И вдруг пепел засветился, и по земле на Запад протянулась белая, как серебро, нить света.

Вздрогнули солдаты от неожиданности. Попрежнему вокруг царило безмолвие, но каждый не слухом, а душой уловил такой нужный сейчас ответ. Пепел мучеников освещал путь мести.

— Не будем медлить, товарищи! — сказали друг другу солдаты и быстро пошли вперед. И сразу же пе-

пел вспыхнул ярким, неумирающим светом и уже не тонкая серебряная нить протянулась по горам, а широкая ясная дорога. И увидели солдаты чудо: лишь только живой свет ложился на гору, бесшумно расступались камни, медленно, но покорно отваливали в сторону громадные валуны. А там, где свет падал на озера, неслышно поднималось дно, и ровная перемычка стягивала берега. И почувствовали солдаты, что хотя они и потеряли счет верстам, но из их быстрых ног уходит усталость. И чем дальше они шли на Запад, тем становились сильнее и духом и телом.

А пепел разгорался все ярче и ярче. И светлая дорога ложилась перед солдатами. Таял на ней снег, и когда солдаты оглядывались, они видели: поднимается на их пути еще робкая, но уже сильная весенняя зелень.

И уже пятый день клонился к исходу. Теплые сумерки поднимались из ущелий. И тогда увидели солдаты, как на гору карабкаются какие-то люди. Свет пепла задрожал, рванулся к ним и неподвижно замер.

— Они! — закричали солдаты, увидев тех, кто сжег их друзей. Настигнутые светом, немцы залегли на склоне горы и, прячась от слепящих лучей, поползли в расщелины. Но гневный свет проникал всюду. Тогда немцы стали бессильно ковырять камень: малоумки, они уже потеряли разум, надеясь разрыть руками гранитную гору и спрятаться под ней от беспощадного света.

Возликовала солдатская душа. Подхваченные ветром солдаты побежали прямо на гору, чтобы своими руками убить тех, кто лишил жизни трех веселых друзей. Тот, кто держал щепотку пепла, тоже побежал вперед. И так как он бежал быстро, то ветром выдуло из его ладони пепел.

Но пепел не потерялся. Бессмертными искорками проник он в сердце солдат, и они почувствовали, что вместе с этим огнем вошло в их души вечное бесстрашие перед лицом смерти. И хотя после этого сильный свет, войдя в солдатские души, стал невидимым, сами солдаты не заметили этого. Для них он попрежнему горел и попрежнему указывал путь на запад. Вот по этому пути и пошли они в наступление на севере.

Записал лейтенант А. Алексеев

СОЛДАТСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Красную Армию Сталин ведет, Красная Армия всюду пройдет.
Под водительством Сталина Красная Армия прославлена.
Дело Красной Армии правое, только бей браво.
Потому Красной Армии победа дается, что промеж ее воинов братская дружба ведется.
Хвалились немцы Красную Армию разбить, но чем хвалились, на том и провалились.
Как вождь ее Сталин, Красная Армия из стали.

За Советскую Отчизну не жаль ни крови своей, ни жизни.
За советскую власть не жаль голову сложить.
Родители берегут дочь до венца, а солдат Родину до конца.
На то и воин советский, чтобы не разбойничал немецкий.
За народное дело бейся смело.

Стойкий солдат не знает слова «назад».
Не постой за волосок — бороды не станет, не постой за бугорок — враг в страну нагрянет.
Солдата огонь прокаляет, дождь промывает, ветер продувает, а он все такой же бывает.
У советского солдата и тело — граната.
Советский солдат и один в поле воин.
Красна пава опереньем, а солдат — отвагой и уменьем.
Не там иди, где дорога, а там, где врагов много.
Грудь в шрамах, значит, солдат не знал срама.
У сметливого солдата и рукавица — граната.
Смелый боец в бою молодец.
Солдату и умереть некогда.
Солдат-тетеря — врагу двери.
Кому до чего, а солдату до боя.
У солдата слава — на конце штыка.
Солдат спит, да врага зрит.
Солдат небом укроется и стоя выспится, штыком побреется, росой умоется, ветром причешется, походя кашу сварит, в бою погреется, пока портянку переверпет, — на одной ноге отдохнет и снова вперед.
Солдату помоги просить — дурную славу нажить.
Красна дева косами, а солдат орденами.

У солдата сон недолог: один зевнул — второй уж заснул, первый закрыл рот, а второй уж встает.
Солдата дождем промочило, солнышком осушило, огнем опалило, ветром остудило.
Дерево в огне сгорает, а солдат еще крепче бывает.
Солдата мать родит, отец растит, а бой учит.
Что иному невмочь — солдату все перемочь.
Принял присягу — от нее ни шагу.

Победа — не снег, сама на голову не падет.
По колено в кровь стань, но победу достань.
Кто победно с немцем сразится, — тому есть чем и похвалиться.
Соседу туго — помоги другу, наутек врагов орава — вам обоим слава.
Лучше погибнуть, да победить, чем живым, но битым быть.
В обороне пролежать — победы не видать.
Боец к бою — быть победному концу.
Не тот молодец, у кого бранный вид, а тот, кто победу творит.
Когда робость приходит, победа уходит.
Неумелому побеждать — что безногому бежать.
От воды навару нет, от неумелого не жди побед.
Не враг непобедим, а ты не победил.
Сталин с нами — победа за нами.
Победу не ожидают, а догоняют.

Слава придет — и невидного найдет.
Вчерашней славой на войне не живут.
Слава приходит золотниками, а уходит пудами. Закрепляй славу боевыми трудами.
Слава греет, позор жжет.
Славу свою добывай в бою.
Герой немногих знает, а имя его вся страна повторяет.
На героя и слава бежит.
Трус славит себя языком, а храбрец — штыком.
Три вещи славят солдата: рана, победа, награда.
Каков солдат, таков о нем и лад.
Каков полк, таков о нем и толк.
Как провоевал, так и прославился.
После большого боя и слава большая.

Храбрость после боя и гроша не стоит.
Кто без храбрости, тот без радости.
Нечего тому страшиться, который ничего не боится.
Храбрый боец в бою молодец.
Не тот солдат хорош, которого не берет дрожь, а тот хороший, который врага крошит.
Храброму — города брать, а трусу и от родного дома бежать.

Не тот крепок бывает, кто гири поднимает, а тот, кто в бою робость одолевает свою.
Росту до крыши, а трусливее мыши.
Где робкий Семен, там и трусливый враг силен.
Не приведись голодному обед варить, а трусу — воином быть.
Трус потом моется, храбрец боем греется.
Трусу Тимошке протягивать ножки.
Паникер да трус — хуже нет обуз.

Уменье старше силы.
С уменьем воюют, без уменья горюют.
В учебе поленишься — в бою помучаешься.
Военное дело не учить — битым быть.
Неучу воевать, что теленку медведя пугать.
Не велика доблесть — иметь сильное тело, велика доблесть — знать военное дело.
Умел да смел — пятерых одолел.
Умело воевать — славу добывать.
Праздновать в ученьи — в бою мученье.
Перебежки — не плевое дело, их нужно делать умело.
Вскочил рано — получил рану, мешком упал — еще пулю поймал, бежишь долго — жить не долго, беги стрелой, камнем падай, — и пусть себе пули летят хоть градом.

Окапываться лень — не прожить и день.
Окапывайся: ладони пожалеешь, голову потеряешь.
Кто не окопается, тот пуль нахватается.
Сам не окопаешься — пуля закопает.
Орудуй лопатой в бою, как ложкой за столом.
За лопату держись — сохранишь жизнь.
Лопата не только окопы рыть, но и череп врагу крошить.

Портянка ногу помогает, но, бывает, и с ног сбивает.
Портянка — не тачанка, а в поход без нее не пойдешь.

Мозоль — не пуля, а с ног валит.
Как обуешься, так и дойдешь.
В походе лопату бросит, а в бою просит.
Идешь в поход — бери все положенное: что ж то за птица, которая перья свои не унесет.
В ранец не доложи, а в подсумок переложи.
Береги сухарь до привала, а штык до атаки.

Ловок да смел пятерых одолел: одного штыком, другого кулаком, третьего гранатой, четвертого лопатой, пятого гада свалил прикладом.
Хитрость и сметка — помогает бить врага метко.
Враг думал, что это пень, а снайпер снес ему череп набекрень.
Маскировку не применять — самому себя врагу казать.
Кипит суп — котелок друг, стук-бряк — котелок враг.
Нет в лесу столько поверток, как у ловкого солдата в бою уверток.
Проскользни как линь, а иголкой сгинь.
Решительный слету хватает, нерасторопный и спящего не поймает.
На командира надейся, но и сам смекай, где берег и край.
Чем смог, тем и сбивай врага с ног.
У него руки целы, а он кричит: «Патроны все, что делать?»

Авось с небосем водились, да оба битыми и очутились.
Вывезет авоська, да незнамо куда. Расчетливо действуй в бою всегда.
Не действуй на авось, чтобы дело победы не сорвалось.
Авось, небось, да третий как-нибудь о победе судачат, но жнут неудачи.
Не пытайся, а бей наверняка: за покушку бьют в макушку.
Авось-плут обманет, готовь победу заранее.

Пуля с теми не чванится, кто ей кланяется.
Пуля, что пчела: побежишь — ужалит.
Пуля не любушка, а к сердцу льнет.
Всякая пуля грозит, да не всякая разит.
На всякую пулю страха не напасешься.
Не бойся, когда пуля свистит: она мимо летит, твоя летит — не свистит.
Пулей догоняй, штыком с ног сбивай.

Пуля остра, да штыку не сестра.
Пуля стережет, да каска сбережет.
Солдат из каски пообедает, напьется и от пуль ею убережется.
Пулю не переспоришь.
Если под каждой пулей с белым светом прощаться, когда ж о жизни думать.
Не всякая пуля в кость да в тело, иная и в поле полетела.
Не бойся той пули, которую слышишь.

Мина свистит — мимо летит; мина шуршит — в тебя норовит.
Не та мина страшна, что воет, а та, что землю роет.
Миной и песней — по немцам треснем.
Советской миной — по немецким спинам.

Штык не лошадь, есть не просит, но вперед далеко выносит.
С врагом говори не языком, а штыком.

Винтовка без ухода — что конь без овса.
Винтовка — о трех концах: рази пулей, патроны все — штыком кроши, штык сломался — круши прикладом.
Умело орудуй винтовкой в бою, никто не поборет силу твою.
В ком ненависть к врагу кипит, у того винтовка в пирамиде не стоит.
На винтовку нечего пенять, коли сам не умеешь стрелять.
Плохому стрелку и небо в копеечку.
Стреляет — лишь ворон пугает.
Куда пулю послал, туда и пришла.
Ему стрелять хуть [illegible] лишь бы прошел день.
Патронов пересорил кучу, а не стрелял бы — куда лучше.
Посчитал расход, посчитал приход: гильз воз, а врагов ветер унес.
Где меткие стрелки поведутся, там и фрицы переведутся.

У артиллерии с пехотой лад — не надобен клад.
Пушки смолкли — пехоте слово.
Не бойся разрывов своих снарядов, иди с ними рядом.
Чтобы атаку твою не сорвало, иди прижимаясь к артиллерийскому валу.

Врага бьют — поры не ждут.
Врага сечь — не жалеть плеч.
Врага бить — руке не ныть.
Русский бьет, где враг не ждет.
Как русский за штык берется, так враг трясется.
Врага преследуй, но не по следу, а по пятам.
Врага обратить вспять — еще не благодать; врага растоптать — вот то благодать.
С командиром будь покорным, с врагом — упорным.

Бей — не пожар: не туши, а разжигай.
В бою побывать — цену жизни узнать.
В бою горько, зато потом сладко.
Бой не каравай — рта не разевай.
За народное дело бейся смело.
Друг за друга стой — и выиграешь бой.
Все за одного, один за всех, вот и обеспечен в бою успех.

За боевое знамя держись зубами. Сам погибай, но знамя спасай.
Боевое знамя над нами — победа за нами, знамя упало — победа пропала.
С чужого коня среди грязи долой; фашистских захватчиков в землю зарой.

Собрал М. Ильяхинский

НОВЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Придешь незваным,
Уйдешь — драным.

От клинка кавалериста
Нет спасения фашистам.

Граната народная
Вещь — благородная.

Пословица новая,
Старой конец:
И пуля — не дура,
И штык — молодец.

К нам на танках,
А от нас — на санках.

Наступают с боем,
Отступают с воем.

Наши клещи
Немецких хлещут.

Хорошо снарядишь мину —
Быстро фриц покажет спину.

Советская мина —
в лоб белофинна.

Вражьей «кукушке»
место на мушке.

Боец со смекалкой —
воюет и с палкой.

Чтобы дело завершить победой, —
без устали врага преследуй.

Белофинна от всей русской души
чем сподручней, тем и круши.

Для того и пуля в дуле,
чтоб фашисты ноги скорей протянули.

Свалиться на финна, как на голову шишка,
значит гадюке крышка.

Я тебе помогу, ты мне —
это первый закон на войне.

Кто смышлен, да хитер, —
тот противнику нос утер.

Тот верх на войне берет,
кто неуклонно стремится вперед.

Тот день для бойца без толку,
когда не убил фашистского волка.

Фрица в ребро — людям добро.
Фрица снарядом — меньше гадом.

Хочешь победы — врага разведай.
Без «языка», что без ног, — не знаешь к врагу дорог.
Кто уныл, да вял — смотришь, голову потерял.
Место штыку — в немецком боку.

НОВЫЕ КРАСНОАРМЕЙСКИЕ ПОГОВОРКИ

Деды немца бивали — и нам наказали.

Убьешь немца сегодня — не полезет завтра,
Убьешь завтра — полезет сегодня.

Немец прет — на испуг берет,
Врага бояться — в живых не остаться.

Бей немца в лоб — он покажет спину.

Русский штык к немецкому пузу привык.

Сапер — хитер,
Каждая мина — для финна.

Если ворон не садится,
Значит враг в кустах таится.

Собрал И. Правдин

КРАСНОАРМЕЙСКИЕ ЗАГАДКИ

Крышкой закрыта,
В землю зарыта,
Ждет поджидает
Фрица бандита.

Как только тихо,
Возьмет и спрячет
Как только лихо,
С ней в битву скачет.

Лежит — спокоен
Железный воин,
Летит и свищет —
Немца ищет.

Красноармеец Зносенко

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Стихи, очерки и рассказы

Солдатам севера — И. Эренбург 5
России сестра — Н. Гудовский 6
Люблю тебя, суровый край — М. Хохрулин 6
На скале — В. Архипов 7
Родина — Рокитянский 9
Здравствуй, Родина — Н. Гудовский 10
Так умирают бесстрашные — В. Василевский 11
Перед боем — А. Игумнов 15
Воронка — А. Колесников 16
Последняя спираль — А. Кондратович 17
Сон бойца — В. Крегер 19
Дом — Е. Павличенко 20
Разговор о письмах — Г. Орловский 20
Сила ненависти — А. Поляков 21
Мой товарищ — С. Посниченко 26
Алый кисет — Н. Богданов 28
Старый солдат — А. Варлыгин 29
Птаха минера Мохова — А. Колесов 32
Простой случай — К. Баев 34
Закирыч — С. Пантелеев 35
Ночной поиск — М. Хохрулин 38
Угрюмый человек — Н. Занин 41
5 : 0 в мою пользу — Г. Матюнин 43
Балалайка — Н. Гудовский 45
Земляки — В. Прилежаев 45
Любимой — П. Чмир 46
Ответ — А. Игумнов 47
В вагоне — Г. Ладысев 48
Далекой — А. Иванов 51
Возвращение — Чаклин 51

Юмор и сатира

Напарник — Р. Каменев 53
Где зарыта собака — А. Сперанский 55
Главная роль — Б. Каган 56

Стр.

Ложка — И. Гагарин 58
Удачная постановка — Ю. Вершинин 61
Сальминские колокола — В. Голант 62
Портрет — Абезгуз 63
Это было в Берлине 64
Провожанье — В. Харьюзов 65
Частушки — С. Петров 66
Вместо некролога 67
Фрицы на севере 68
Быть Фогелю битым — Б. Каган 71
Частушки — В. Запал 72

Меткое слово

Карельская сказка — Д. Горошенко 74
Голубой камень — Л. Саксонов 75
Друг-рыба — Л. Саксонов 77
Священный огонь — А. Алексеев 79
Солдатские пословицы и поговорки — М. Ильяхинский . . 82
Новые пословицы и поговорки 87
Новые красноармейские поговорки — И. Правдин . . . 89
Красноармейские загадки — Зносенко 89

Редактор *М. Рит*

Сдано в набор 10 февраля 1945 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂.
Подписано к печати 26 июня 1945 г. 5,75 печати. листов.
5,25 учетно-издат. листов. Госиздат КФ ССР № 9.
Заказ № 1049. Тираж 7.000. Е 5410. Цена 3 руб.

4-я типография им. Евг. Соколовой треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при СНК РСФСР, Ленинград, Измайловский пр., 29.

Цена 3 руб.